

А. Хадарцев

**Крепка любовь
в любое время года**

Стихи

А. ХАДАРЦЕВ

***КРЕПКА ЛЮБОВЬ
В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ
ГОДА***

СТИХИ

Творческий путь Александра Хадарцева, как поэта, измеряется всего тремя десятилетиями, а первая публикация подборки его стихов в альманахе «Ока» относится к 1990 году.

В 1992 году издаются сборники стихов «Что нарисую я на полотне...» и «Любви не найден интеграл», в 1993, 1995 и 1996

гг. – «Углы России забелил туман», «Не торопись остановить часы» и «Из Тульских засек голос мой», в 1997 г. – «Виртуальные надежды», в 1999 г. – «Витражей акварельные пятна», в 2001 г. – подборка стихов в альманахе «Прикосновение», в 2002 г. – «У памяти преграды нет», «Извечных истин водопад», а в 2003 г. – «Спичка жизни». Отдельные произведения напечатаны в газетах «Медицинская газета», «Тульские известия», «Тула вечерняя», «Тульская правда», «Жизнь Правобережья», переведены на болгарский язык в газете «Медицина» (София).

Хадарцев А. Крепка любовь в любое время года.– Тула: «Тульский полиграфист», 2005.– 152 с.

ISBN

© А.Хадарцев, 2005

© «Тульский полиграфист», 2005

ДЕКАБРЬ

ДОРОГА

Нежно-белые кораллы
на заснеженной равнине...
Это в свете солнца алом
высветлил березы иней.

Как парок над крепким чаем,
на асфальта темном фоне
вихрь снежинок нескончаем
в нотах ветреных симфоний.

Подмораживает лихо...
Вдоль дороги шорох шинный
нарушает сон, где тихо
припаркованы машины...

Где не свищет ошалело
ветер в спину при обгоне,
где от жара млеет тело,
позабыв про лед агоний.

Только сном нельзя забыться.
Наяву – шуршит дорога:
та, с которой нам не сбиться,
от порога – до порога.

Потому что белой тайной
все укрыто, кроме сути,
где движенье – не случайно,
как слова из Кама-сутры.

Ало-белые кораллы –
солнца зимнего причуда,
сладкозвучные хоралы
по дороге ниоткуда.

1994

ГОД БЫКА

Свежий воздух глотая на завтрак,
понимаем, как жизнь нелегка.
Только верим, что лучшее завтра
надвигается с Годом Быка!

Суд неправый корридой вершится.
Красный бык пусть поверит теперь,
что закланье его не свершится,
год пройдет без ненужных потерь.

Наши женщины будут стараться
нам наставить рога, но при том
ведь не стыдно быкам называться
даже крупнорогатым скотом.

Поутру просыпаясь с похмелья,
щуря бычий с прожилками глаз,
пусть мужчины умоются зельем –
и похмелье исчезнет тотчас!

Не почуяв в кармане полочки,
пусть не корчится в гнев рука!
Значит бык задержался... на случке.
Это просто проделки быка!

У индусов говядины святость –
главный фактор, внедряющий пост.
За старинной традиции радость
(только в Индии) будет мой тост!

Ну, а мы по-российски роскошно
в Новый Год передвинем свой стол,
чтобы каждый все то, что возможно,
в невозможности нашей нашел!

Я желаю друзьям, чтоб сумели
взять судьбу, как быка за рога,
и с вершин запорошенных елей
добрым ветром сметались снега!

Чтобы истинно бычьим здоровьем
без стеснения гордиться могли,
а постыдным души малокровьем
не болели питомцы земли!

Бычье сердце огромным мотором
пусть прогонит уставшую кровь
по сосудам надежды, которым
суждено обеспечить любовь!

Сбросив каменной тяжести бремя,
пусть взбурлится удачи река!
Пусть счастливое новое время
начинается с Годом Быка!

1996

* * *

*«Стихи не пишутся – случаются»
А.Вознесенский*

Случились, да не написались
мои заглавные стихи,
которые клинком вонзались,
вскрывая старые грехи.

Случились. Значит, есть закваска
недослучившимся стихам,
а в них пока – бесцветья краска,
и вместо строк – словесный хлам...

Кирпичесловье не сложилось,
упрятав что-то там внутри,
хоть мы смеялись, пели, злились,
влюблялись, черт нас побери!

Снег наметало в изголовье
пушистой шапкой декабря.
И пропивали мы здоровье –
с друзьями, значит, не зазя!

Нам торопиться не пристало
улечься в вечности кровать.
Морозным утром солнце встало
и есть кому и что писать!

1997

* * *

Болотников переулок. Третий дом.
Свет хрусталится за окном.
Гости ушли. Стол накрыт.
Женщина молча с бокалом сидит.

Что говорить, если старая грусть
знает слова и дела наизусть?
Был папа... и тетя, сестра и друзья...
Без них – возможно. Без них – нельзя...

Другие люди приходят в дом,
другие песни всепевают в нем.
Осталась сестра далеко-далеко,
без нее и тяжело, и все же – легко.

Судьбу избрала... Мужчина... Он...
С хитростью взгляд. Аккордеон.
Странноприимностью жизнь полна.
Жаль, что в бокале обида одна.

Все виноваты! А кто виноват,
в том, что у смерти белый наряд?
Просто приходит и в вечность берет...
Знать бы, где очередь, кто – вперед?

Стонет Подьячее. Стынет Упа.
Вглубь желтосвечья декабрь упал.
Днями рожденья теперь – тишина...
Может быть к ним прикипела она?

Болотников переулок. Третий дом.
Темень, хрустящая за окном.
Воют собаки. Город спит.
Женщина с болью в обнимку сидит...

1997

НОВОГОДНЕЕ

Друг про друга, друг мой грешный,
знаем – много, знаем – долго,
знаем – мало, знаем – нежно,
знаем – смехом, знаем – строго.

В Новый год идти пристало
только с верой и любовью,
чтобы счастье наметало
снежным ветром – к изголовью.
Чтобы виделось, как прежде,
и глаза в глаза горели,
чтобы, верные надежде,
наши мысли не старели!

Чтоб тигриным тихим шагом
(при увесистой фигуре)
я гулял бы падишахом
меж глазастых райских гурий.
В полосатой тигра шкуре –
видел дни и видел ночи...
Но – во сне, а не в натуре
(чтоб ругалась ты не очень...)

А тебе – пусть удастся
быть по-прежнему красивой,
и мужчину, коль придется
выбирать, – так кирасира.
Чтобы весом был он в центнер,
(с волосами, нет, – не важно),
с бородой и без акцента,
в общем – тигр, но не бумажный.

Что там модные ботинки?
Платья, шубы, бусы света?
Ты – всегда, как на картинке,
даже если сбросишь это...
И в унтах, и набосу, –
ты теплей, чем Куросио...
Светлой краской я рисую:
у красивых – все красиво!

Друг про друга, друг мой нежный,
знаем – сладко, знаем – чисто,
знаем – горько, знаем – грешно,
знаем вечно и лучисто....

1997

* * *

Декабрь – такое время года ,
когда от ночи до утра
стоит студёная погода...
Не рвется в школу детвора,
предчувствуя каникул скорых
лесисто-хвойный аромат...
На елях шарики висят...
А дни проходят в скучных спорах:
«Какой же год теперь взойдет
из тьмы календарей японских?»
«Он, вроде – лошадью грядет,
весь в сыромятной сбруе конской
в извечной суете сует,
окрасив лошадь в синий цвет!»

Конечно, прав был Грибоедов,
сказав, что «врут календари».
«Стрельцы», удачи не изведав,
пьют за удачу до зари.
Их поздравляют с днем рожденья,
как будто завершённый год
утраченный покой вернет
и снимет индекс напряженья.
Над странною страной царит
лимонно-мандаринный запах,
везде – английский и иврит,
«Отечество» – в медвежьих лапах...
Самодержавья идеал
из глубины веков восстал!

Бесплотьем призраком не будем
предновогодний портить час!
Мы не судимы и не судим
(пока не осудили нас!)
Бывает до костей обидно,
когда в стране известный вор
ведет себя, как прокурор,
ну а тому – ничуть не стыдно.
Когда «герои» «За стеклом»
(все эти Дэны, Жанны, Макссы)
с экранов к нам приходят в дом,
а в их глазах мелькают баксы...
Когда за тяжкий, честный труд –
лишь на прожитие дают...

За декабрем неотвратимо
январь и Новый Год идут.
Они по всей Земле любимы,
рубежных дней, как манны ждут...
Пускай в грядущем будет хуже,
но кто захочет променять
надежды теплую кровать
на ледяную правду лужи?
Даешь дни отдыха стране!
Пусть мишура и серпантины
рисуют блеском по стене
удачи яркие картины!
Пусть хмель не застилает глаз,
пока Всевышний терпит нас!

2001

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ?

Снежный хруст декабря,
ночи сказочной тишь...
Почему выхожу я за рамки?
Столько прожито зря,
если ты говоришь,
что я строю воздушные замки!

Был непрочным кирпич,
виртуальным раствор,
лишь одна оболочка мерцала?
Но возможно ль достичь
с тех – до нынешних пор,
обстановки дворцового зала?

Все, что сделал, – пустяк?
Это просто – мираж?
(Тот, в котором и ты обитаешь!)
Жизнь прошла просто так,
как зачеркнутый стаж?
Ты за это меня упрекаешь?

Только был я рожден
делать все для людей,
под себя не сгребая округу...
Был всегда убежден,
что из всех площадей –
нет прекраснее «Помощи друга».

В этом замке моем
сотни разных статей,
книг, патентов, рожденных ученых.
Разве только объем?
А глубинность идей
в коридорных размахах возвращенных?

В летаргическом сне,
но работа идет:
малым штатом и с низкой зарплатой.
Ты советуешь мне
заморозиться в лед?
Или с ветром заброситься в Штаты?

Ты меня не кори!
Я останусь таким,
Каковым предназначен скитаться!
Пролетят декабри,
но седой пилигрим
не сумеет с ушедшим расстаться!

2002

2003 год

Блеют козы на выгоне,
им пришедшемся кстати...
Люди – блеют о выгоде,
о хорошей зарплате.
Год две тысячи третий
надвигается монстром.
Тем, которого встретим,
как мента – «Коза ностра».
Был две тыщи – змеиный,
огнедыше-драконный,
а за ним – лошадиный,
от кнута – потогонный.
Третий в новом столетье –
год покорно-козлийный.
Он в пуховом берете,
с головою повинной.

Президента ответы –
будто речи оракула.
А на небе рассветы –
пивом с красными раками...
Льет сияние светлое –
на враждебную мельницу.
Только нежное с ветками –
все в муку перемелется!
От колючести розовой –
руки красятся ранами!
Пусть бы все были козами!
Только стали – баранами!

2002

ЯНВАРЬ

НОВЫЙ ГОД

На Новый Год капель
оплакивает снег,
оплакивает год,
ушедший в неизбежность,
в дождливую метель,
где еле слышен смех,
в людской водоворот,
в израненную нежность.

На Новый Год друзья,
усевшись за столом,
взметают выше крыш
шампанского шипучесть
под тосты за вокзал,
в котором мы живем,
с названьем странным: жизнь.
За то, чтоб было лучше!

Пускай телеэкран
до одури гремит,
внушая беспредел
политиков и певчих!
Пока в руке стакан,
мощней, чем динамит,
народ не оскудел
на пламенные речи.

В бассейне охладив
парилки вечный жар,
усадемся за стол,
традиции не руша.
Под песенный мотив,
в сердцах вспалив пожар,
восславим женский пол,
сплотивший наши души!

1995

* * *

Впитав премудрость бытия,
летят тяжелые снежины
на чьи-то сонные машины,
стучат в окно, где ты и я.

В России – грустная зима:
тепло на улице и дома,
здесь подлость сырости знакома,
с ней так легко сойти с ума.

Идет бесчестная война
политиков и триллионов,
нет конституций, нет законов,
никто не знает, где страна...

Но безрассудству вопреки,
между друзьями водка льется,
а кровь лишь в тостах отзовется
словами боли и тоски.

Уйдут политики беды,
страна излечится от хвори,
огонь рябин на косогоре
испелит войны следы.

Ну, а пока – зима в ходу,
снежины лепятся в пространство,
слепя людей, калеча транспорт, –
все, как и в будущем году.

1995

МОНПАРНАС

На Монпарнасе дождь. Зонтом удачи
прикрыты лужи жизни в январе.
Париж спокоен. Так или иначе –
проходят дни... И небо тихо плачет,
сучая по забывшейся жаре.

Пусть палец небоскреба указывает
нелегкий путь к вершинам бытия!
Парижский вечер в памяти колдует,
в пожар рекламный зябко прошлым дует,
скользит старинной улицы змея.

По-мушкетерски все в плащах и шляпах,
кровавятся бордо и божоле,
о ноздри бьется свежих устриц запах...
Поет Париж, зажатый в нежных лапах,
с цыганской страстью – русское: налей!

На Монпарнасе дождь. Молчат креветки,
довольные витринностью ночей.
Да в ресторанно-зазеркальной клетке
склонился парень к тоненькой соседке,
шепча о безисходности своей.

И тело наливается любовью,
как губка напивается водой.
Кричу с друзьями гулко: «На здоровье!»
И Монпарнас, как прежде, молодой.

1995, Париж

В ЛИФТЕ

Пакет, два огурца, пластмассовый стаканчик –
в кабине лифтовой стояли в уголке.
Никто ни у кого чтоб ничего не кланчил,
и было чем заесть и что зажать в руке.

Наш человек всегда в сосиску пьян бывает,
но помнит хорошо про выпить, закусить.
Пусть Новый Год прошел, но каждый русский знает
как тяжело стране в похмелье тяжком жить.

И тем, которых нет на этом грустном свете,
накрыт бывает стол, пускай на бугорке.
И тем, кто «за бугром» в чужом для нас рассвете,
знаком известный тост: «За тех, кто вдалеке!»

Нет, русская душа и жадность – несовместны!
Последний огурец, но делим пополам
с тем, кто совсем чужой, и в месте неуместном,
под самый нежный тост: «За наших милых дам!»

1997

* * *

Стихи – не копия судьбы,
а виртуальное виденье.
В них все: от взрывов – до мольбы,
от восхищенья – до презренья.
Не обо мне, не о тебе,
не о друзьях, мечтой хранимых...
Слова, как листья в сентябре,
срываясь – шепчут про любимых,
про желтоглазье этажей,
скрывающих людские драмы,
где на последнем рубеже
стоит крестооконое рамы.
За ним – естественность потерь
и праздничность хмельного тоста,
и та единственная дверь,
войти в которую не просто.
Слова вбирают все в себя,
что знаю, вижу, или слышу,
свою мозаику лепя,
чиня «поехавшую крышу»
тем, что осталось от ума
и от чего сильна порода...

22

Слова приходят, как зима,
или другое время года.
Необходимость бытия
в них воплощается настолько,
насколько быту нужен я,
а не Петруха или Колька.
Слова живут своей судьбой
в иных мирах, с иной удачей...
Им ближе жутко-волчий вой
и нежность чувственного плача.
Они вблизи и – вне меня
страданьем собственным страдают,
надежды пламенем дразня,
другое завтра обещают.
Предвоплощением души,
многозеркальем лучесвета,
стихокружение крушит
реальность личности поэта,
и конструирует других:
тебя, меня и всю округу...
Я сотворил случайно стих,
но мы теперь нужны друг другу!

1998

* * *

Приходит год седой, как старость,
иного – нет.
До Рождества чуть-чуть осталось,
но гаснет свет...
Что толку пить вино Иуды –
оно не в масть.
Забраться ввысь, чтобы оттуда
больней упасть?

Меня обманывать не надо,
не хватит сил,
поскольку чувств своих лампаду
я погасил.
Пусть праздник тигром полосатым
рычит до слез,
крадется в саване из ваты,
как дед Мороз.

Обманывать себя, как прежде,
сейчас – не смей!
Затрат на проводы надежды –
не пожалей!
Умчится в прошлое, что было,
его уж нет,
Слеза от холода застыла,
но ярк свет!

1998

* * *

Падал снег на Крещение,
был мороз – так себе,
мы просили прощенья
друг у друга в гульбе.

Собирали застолье,
как всегда второпях,
закусив хлебом-солью,
соль слизнув на губах.

Ты – мое отраженье,
только лучше, чем я,
по любви круженье –
жизнь твоя и моя.

Ошибаемся часто –
и в делах, и в друзьях...
Не находим участия,
а находимся в снах.

Ждем, что скоро приснится
долгожданный успех,
а над трассой кружится
небом сброшенный снег.

Это – наше причастье
к замороженным снам,
к запорошенным счастьем,
но к непонятым нам...

1998

* * *

Был скользким день (как всякий день рожденья),
скрипел январь на старый Новый год,
когда шурша по полосе забвенья,
мы возбужденно двигались вперед.

Вписавшись в неизбежном повороте
В ЗИЛовский, полный смерти бензобак,
машина жаром полыхнула. Вроде
те, кто внутри, все делали не так.

Многометровый факел очищенья
сжигал ошибок накипевший слой.
Огонь пылал знаменем прощенья,
но не сулил надежду на покой.

Исчезли в пепле наши наважденья,
упрятав в сажу ноты ложных слов.
И нынешний морозный день рожденья
пророчит копоть адскую котлов.

Проходят святки, пляшут дед-морозы,
снегурочек невинность – не в чести,
мелькают полосатые березы
запретом разрешенного пути.

Но в памяти одно осталось, братцы,
когда мой друг, чей транспорт был сожжен,
спросил: «До дома есть на чем добраться?» –
с тех пор я тоже делаю, как он.

В несносный день, когда вокруг свечение,
когда приходит старый Новый год,
поднимем стопку водки для леченья
своих неиссякающих забот!

1999

* * *

Наших грешных мыслей укрощение
вряд ли в эти дни произойдет...
Мокрый снег случился на Крещение,
без мороза – растопился лед.

У погоды ритмика разлажена,
перебои в сердце и уме,
теплой водкой заструилась скважина,
Президент опять ни бе, ни ме...

Не дожидаться нам Богоявления,
потому что суете пустой
ни границ не видно, ни прощения,
в Иордани – лживости настой.

Но крестом Крещенья осененные
смогут освятиться те из нас,
кто как дети, ни во что влюбленные,
это «что-то» выплачут из глаз.

1999

ВОДИТЕЛЮ

Гене стукнуло сорок.
Но не градусов – лет!
Глаз по-прежнему зорек
и в штанах – пистолет!

Мы шуршим по приборам
через снежный туман
по шоссе, на котором
леденеет обман.

Бьют по днищу машины
залпы снежной крупы,
напрягаются шины,
вылетают шипы...

Ветром, взвихренным круто,
забелилось стекло,
и в салоне продутом
от мороза – тепло.

На лихом повороте
наплывает кювет,
из метели напротив –
надвигается свет...

Белый вспых галогена
как на зоне палит,
но уверенно Гена
за рулем шоферит.

Мчит старушка-машина,
скорость – сто пятьдесят,
не жалея бензина
километры летят.

Плечевые напрасно
догоняют авто.
Мы в дороге – опасны,
нам не нужен никто!

Приблатненные песни
согревают в пути,
и кассеты, хоть тресни,
но другой – не найти!

Нарушения правил
в нашем кодексе – нет,
потому что оставил
Гена памятный след!

На сплошной – в развороте
трепыхнулся свисток...
Только мент – не подходит,
помня прошлый урок.

Даже против движенья
тачка весело прет!
Если есть возраженья –
ставь стакан на капот!

2001

ЯНВАРСКИЙ ТОСТ

Российский «старый» Новый год...
Январь – в разгаре.
Нам времени не страшен лед,
года – не старят!
То снегом заметает след,
то льется дождик...
но будущей весны расцвет
дождемся все же!
Прекрасной дамы новый год –
отъюбилеем!
Когда похмельный час пробьет –
переболеем!
Пусть рюмок заглушают звень
стихи и тосты!
Ведь завтра вспыхнет новый день –
все будет просто:
работы непочатый край,
семья, дежурства...
Такой врачебный женский «рай»,
где правят чувства.
Не то, что – долга! Мы в долгу –
лишь перед небом,
перед соломинкой в стогу,
да перед хлебом.
Перед родительской слезой,
учителями,
перед детьми, перед собой,
перед друзьями!
Должны друг с другом должники
жить долго очень!

Пока объятия крепки –
 союз наш прочен!
В начале века на века
 шампанским брызнем!
Тысячелетия река
 плеснет нам жизни!
Для женщин возраст – вертопрах,
 предмет кокетства!
А юбилей – всего лишь шаг
 вперед из детства!

2001

ПРОЩАЙ, ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ!
(отрывки из поэмы)

ГЛАВА 6

Двухтысячный – грядет началом
столь долгожданного конца
того столетья, что стирало
людей, как жаркий пот с лица.
Распад и синтез мироздания,
великих войн миллионный мор,
кровавых революций хор,
развал империй и создание
каких-то новых государств.
Без операций и лекарств,
под кашпировщины вещанье
стирались старые рубцы
и уходили в ночь отцы.

Дракон двухтысячного года
плюется пламенем войны...
«Электорат», познав «свободу»,
не верит в выборы страны.
Маразм державой нашей правит!
«Народ – безмолвствует», как встарь,
портреты новорусских харь
доренки и сванидзы славят,
стекают в бездну нефть и газ,
жиреют банки (не у нас),
налоги – душат, воры – грабят,
драконовских законов – тьма...
И горе есть, и нет ума!

Сползают годы, как короста,
слетают, будто листья с крон...
Но будет ли в грядущем просто
без кандалов и без корон?
Землетрясения, цунами,
угроза ядерной зимы,
где мамонтами будем мы?
Или кометы взрыв над нами?
Чем угрожают небеса?
А чем – сгоревшие леса?
Природу мы кромсали – сами,
но, посягнув на смысл всего,
не получили ничего...

А жизнь – превыше всех страшилок!
Противоборством «инь» и «ян»
она успешно завершила
природой сверстанный обман.
Слиянье туш мужских и женских,
вонзание душ одна в одну,
уход вдвоем, пускай ко дну,
по-прежнему важней вселенских
разборок типа: «Кто – кого?»
«Друг – друга» – больше ничего!
Судьба – Онегиных и Ленских
пускай любовью единит
и от дуэлей их хранит!

Дракон в конце тысячелетья
двадцатый завершает век.
Одним – обещано бессмертье,
другим – стекать по руслу рек.
А человечество – творило
совместным тягостным трудом
свой каждый век, как новый том...
И умирало, и любило,
и Ренессансом ввысь взвилось,
и в вечный Космос унеслось,
овечку Долли разродило...
Но старый способ размноженья –
приятней был, чем сотворенье.

Стареющие дон Жуаны
без боя сдать не должны,
они сквозь времена и страны
нести мечту обречены.
Притока новых ощущений,
как воздуха в подлодке ждут,
считая медленность минут
прощальной нежностью прощаний.
А женский, мимолетный взгляд –
признать намеком каждый рад
на обещанье приключений,
в которых грезится постель
и ясно видимая цель.

«Ну, если мы уже не парни,
то вы заелись, девки! Зря!»
Так говорил мой друг-напарник,
когда кровавилась заря.
Дымил костер, шашлык вертелся,
ныряли в снег, как есть – ни в чем,
короче – было «все путем»,
весь свет от нас, казалось, грелся.
Шампанское в окрошку влив
под томно-песенный мотив –
вдруг жар костровый разгорелся...
И осветив счастливых нас,
вздохнул, всклубился и – угас...

Потери века – не пополнить,
как дней опавших – не вернуть.
Всех, кто ушел, мы будем помнить,
но общий – бесконечен путь.
Бушует поросль молодая:
девчонки нынче – просто блеск,
их жизнь – похожа на бурлеск,
где юность, как вино, играет –
без предрассудков, без идей.
Назло серьезью площадей
она свободу выбирает,
желаний твердь раскрепостив...
В итоге – сексуальный взрыв.

Что год Дракона сексуальный –
узнать возможно из газет:
пусть желтопрессных, ирреальных,
но ведь других в России – нет.
Коль новый год, и имидж – новый.
Дракон – известный террорист,
немногословен, не речист,
на козни сызмальства готовый,
как будто – путинский двойник...
Ведь президентский ученик –
наследник ведомства Ежова,
а значит, лучше помолчать,
пока не начали стрелять.

Вернувшись к празднеству победы
над прошлым двадцати веков,
восславим жизнь, где наши деды
не превращались в стариков!
Они росли и размножались,
и покидали этот мир...
Их забирал в себя эфир,
с которым мы потом общались,
а информации поток
струей вливался в кровоток –
и поколения развивались...
Вот так вселенско-генный код
в двухтысячный ворвался год.

А мы, друзья, под чарку горькой
восславим сладость наших дней,
а их от корки и до корки –
две тыщи! Это – юбилей!
Пусть будет тост за год Дракона!
Он нас, ей Богу, не страшит
и не снижает аппетит,
как гамбургер из-за кордона!
Нам Змей-Горыныч больше мил,
поскольку тоже водку пил
и беспредельно, и бездонно.
Российский в дым менталитет
не знает в пьянке слова: «Нет!»

ГЛАВА 8

Уже в тысячелетье третьем
проснулся утром человек!
«Дракона» утопив в столетии,
«змея» скользнула в новый век.
Чем удивит векорождение
в такой беспозвоночный год?
Народ, конечно, счастья ждет
без громких криков возмущенья,
но ожидает тяжких мук,
что следует из всех наук –
от акушерства до творенья.
Свободы призрачный маяк
мерцает нам, как добрый знак.

Но «нас» не любит государство,
хоть состоит из многих «нас».
И, значит, все его коварство –
наш собственный народный сглаз.
Не тех, как видно, избираем,
а, может быть, и не туда...
Товарищи иль господя?
Мы даже этого не знаем!
Вот только строим вертикаль...
Небес до бесконечья жаль,
когда их высоту пронзаем,
пытаясь обществу внушить,
как можно власть употребить!

До хрипа спорят депутаты
про знамя, герб, державный гимн...
Мол, мы – бесстрашные ребята:
проголосуем как хотим.
Три цвета – белый, синий, красный,
(как перемирие в войне,
там в искореженной Чечне),
на знамени сплелись бесстрастно.
Так на снегу алеет кровь
и страх окутывает вновь...
Куда идем – опять не ясно...
Но в Думе прерывают сон
просветы синие погон.

Да что нам вялый спор о гимне?
Не в звуках музыки ответ.
Претензии всегда взаимны,
ушедших лет бессмертен след.
Прорех бюджетных не стесняясь,
от беззаконья онемев,
две головы в зенит воздев,
пернатостью к земле склоняясь –
орел двуглавый воцарил
в стране, где прежде тоже жил,
делам чудесным удивляясь.
Теперь он – символ «связи лет».
А государства – нет, как нет!

Все меньше снега на полянах,
давно метели не метут.
Быть может, скоро на бананах
своих детей увидим тут.
Но жизнь – мороза не убавит!
Кровь промерзает от «вождей»,
от непонятыя их «идей»...
Все громче пресса «силу» славит,
крепчает рык, краснеет глаз
от губернаторских лампас;
Чукоткой – Абрамович правит...
«Контора» властвует в стране,
вновь бесхребетие – в цене.

Эпоха мнимых оппозиций
и передела общих дел,
век виртуальных инквизиций
под думский псевдобеспредел.
Госдепы шумно побушуют,
но, выбрав выгодный момент,
за все, что скажет Президент,
единогласно голосуют...
Отрежиссированный ход!
Ведь избиратель стал не тот –
он голосом своим торгует,
надеясь что-то получить,
чтобы в «зеленом» мире жить.

И все же очередь настала
услышать новогодний тост!
Страна от митингов устала
в рождественский нелегкий пост.
Мы ждем любовей небывалых!
Любимых славим имена!
Нам в эти дни всегда нужна
поддержка бесконечно малых,
но столь великих чувств людских!
Веселья песнь! Заздравный стих!
Звенят бокалы! Нет усталых!
Предновогодья карнавал
пусть не снижает свой накал!

2002

ЗАМЕТКИ В СОЧЕЛЬНИК...

В сочельник вдруг растеплилась погода,
стучит капель, метелит мокрый снег...
В начале вновь родившегося года
грядет весна, обманывая всех

Бурлит в бассейне поросль молодая,
из сауны древесный запах льет...
И пусть снежинки за окном витают!
Затем он и приходит – Новый Год!

Снег на пурпурной попе быстро тает.
Что холод, если тело горячо?
Оно и снег, как видно, обжигает
и тут температура – не при чем!

Каминный пламень, мятный дух кальяна,
на кухне – об артистах разговор...
Как жаль, что мы родились слишком рано,
а жизнь слилась, как речка через створ...

Семидесятилетние подружки,
как в детстве, пошептаться норовят...
Пусть на столе – остынут с чаем кружки,
коль чада с домочадцами галдят!

Но вновь мороз студеный воротился
под гром петард и фейерверк огней.
А, значит, кто-то все-таки родился!
И ель стоит. И мишура – на ней.

Поверьте русской мысли осетина,
как уголь верит старой кочерге!
Россия! Ты – как лапти у камина
стоишь с Европой на одной ноге!

В тебе есть все, как в вечном винегрете,
В солянке сборной, в овощном рагу...
Твое застолье – лучшее на свете!
А ты сама – как угли на снегу!

2002

В КАНУН РОЖДЕСТВА

* * *

Узнать сегодня можно «от Матфея»,
в сочельник прочитав бессмертный труд, –
о фарисеях и о саддукеях,
о дне, который люди долго ждут.

Лет за семьсот до Рождества Христова
Исаия спророчил этот миг:
в «Завете ветхом» воплотилось Слово,
основой став других, новейших книг...

* * *

«Когда Христос родился в Вифлееме,
волхвы с востока мудрые пришли
увидеть Иисуса, и со всеми –
почтить Царя, склонившись до земли.

Но кто уступит пост без содроганья?
Царь Ирод и священники его
не торопились изъявить желанье
сдать трон и все свое вокруг него.

Во всякой Иудее – есть свой Ирод,
готовый мудрецов к себе призвать,
все выведав у них – отправить с миром
как будто бы Младенца повидать.

Они пошли, звездой к Нему ведомы,
вручив дары – не возвратились вспять...
А Ирод в гневе (людям так знаком)
всех малышей решил покарать.

Но потому Семейство и Святое,
что Ангел путь в Египет указал,
И там годами долгими в покое
Спаситель зова будущего ждал...»

* * *

Все вроде просто, даже все – известно:
две тыщи с лишком лет прошло с тех пор...
Но почему сейчас, скажите честно,
среди людей убийства и раздор?

«Как сделалась блудницею столица?» –
пророк поставил праведный вопрос!
Но и сейчас столица не стыдится,
являя миру свой прогнивший нос.

«Вино твое испорчено водою!»
Но и такого не найти вина!
Зато беда приходит за бедою,
ну а за той – уж новая видна!

Тогда князья законы преступали,
клеймились как «сообщники воров»...
Сейчас такие времена настали –
на прокуроров не хватает слов.

Все также спотыкаемся в суждениях,
нет «чистых мест» на праздничных столах,
уста лепечут в грубых выраженьях
пророчества на чуждых языках...

* * *

«Заповедь на заповедь, правило на правило» –
значит, слово-за-слово – с нулевым итогом?
Только небо зимнее вмиг меня поправило:
где-то тут немножечко, где-то «там немного».

Станет все – по правилам, даже по законам,
«...сердце легкомысленных будет рассуждать»,
потому что слышатся праздничные звоны,
с Рождеством спускается к людям Благодать!

2002

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

Старый стиль уже не очень моден,
новый век затребовал свое...
Старый стиль для жизни не пригоден,
как прокисшей осенью жнивье.

Только почему-то ежегодно
каждый – дня тридцатого ждет,
чтобы за столом и всенародно
вместе встретить старый Новый Год.

Просто, день любой – он в чем-то новый,
в чем-то – старый, в чем-то выходной,
в завтра перейти всегда готовый,
будущему – прошлостью родной.

Пусть число тринадцать и не очень,
мы на встречу с будущим – придем!
Чем-нибудь, но глотки наши смочим!
В Новый Год – по-старому попьем!

2002

ИНОЙ ДЕНЬ

И снова нет мороза на Крещенье...
Но, правда, нет ни друга, ни гульбы...
Снег не идет... и нет, увы, прощенья
за пустоту крещенской ворожбы.

Никто башмак не бросит за ворота...
Да и ворот в многоэтажках нет,
как и желанья бросить с разворота
обноски жизни в праздничный кювет.

Застольное стремление угасло...
Вопрос излишний: «Что бы нам поесть?»
Хлеб с солью да подсолнечное масло...
А значит, и застолье – все же есть!

Становится покой – всего дороже,
затих сердечный скачущий галоп...
Все реже блики прошлого тревожат,
все ближе звук команды тихой: «Стоп!»

И все-таки опять придут морозы!
Сквозь иней вспыхнет вороная бровь!
Стихи заменят равнодушие прозы,
вскипит в сосудах алой мощью кровь!

Крещенский день приходит непременно
с открытым небом, святостью воды...
Пусть этот день – иной и современный,
но он, как прежде, враг любой беды!

2002

РОЖДЕСТВО

*В темно-синевом раздолье –
рыже-желтый овал...
Поднебесное застолье...
Снежно-пенистый бокал...
Фейерверком из бутылки
брызжет в небо CO₂...
Без шампанского горилка
будет точно – не права!*

На Руси идет гулянье,
будто в ночь на Рождество
доброкрылое сиянье
осенило естество.
Вековечной силой света
из неведомых высот –
Русь промерзшая согрета,
на реке худеет лед.
Или может айсберг синий
растопился в нас самих?
Или нежный снег России
слезно капнул и утих?
В небесах над Вифлеемом
негасимый звездный след...
На земле светло и немо,
тихо, будто горя – нет...
Теплой ночью ясли дышат,
где ягненок ищет кров...
Всем нужна на время крыша
из надежды добрых слов.
Сине-темность небосвода,
желто-рыжевость луны...
В Рождество звучит природа
резонансностью струны.

2003

ФЕВРАЛЬ

ЧУДО

Когда сражались осетины
с потоком зла, вражды и лжи,
на крыльях сна с небесной сини
спускался к ним Уастырджи.

Он направлял судьбу народа,
храня мужчин в большом пути.
А может быть, сама природа
спешила к людям низойти,
чтоб, осенив крылами света
своих голодных сыновей,
их не оставить без совета,
без дружеской руки своей.

Пришла пора. Святой Георгий,
коня трехногого взнуздав,
слетает в мир кровавых оргий,
смотреть на мерзости устав.
Всклубился снег. Обильным валом
леса засыпал и луга,
прикрыл надежным покрывалом
предгорных речек берега.

Шел снег три дня. Три дня дымился
след небывалого коня...
Он – был, он – есть, он – не приснился,
в себе загадку сохраняя.

Трясет страну, как в лихорадке,
в озноб бросая каждый час.
В огне беды не до разгадки
явлений, поразивших нас.

Воспринимаем все, что было,
и то, что будет, то, что есть –
в реальности всевышней силы,
нам давшей знать про долг и честь.

Святой Георгий посох держит,
желая всем добра в пути.
Быть кувдам* – чаще, а не реже,
чтоб нам от тостов – не уйти.

1992

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Горит огонь неясной встречи,
седое пламя все синей...
Зима – любовь морозом лечит,
но мы болеем вместе с ней.

Друзья уехали кататься,
а мы с тобой – как в первый раз
друг другом будем любоваться,
пока судьба ласкает нас.

Побывать вдвоем – такое счастье!
Спасибо, милые друзья!
Утихнут бури и ненастья
и снова с вами буду я.

* кувд – пир (осет.).

Не кориандровое чудо,
не монастырское вино,
а наважденье ниоткуда
испить хмельное суждено.

1998

ВАЛЕНТИНОВ ДЕНЬ

Березы к воде наклонились немного картинно,
своим отраженьем любясь в зеркале пруда...
А нынче – февраль, понедельник, и день Валентинов,
в котором – и праздник влюбленных, и бег в никуда...

Деяния древних живут в безграничье преданий,
а есть ли в них истина, вряд ли удастся узнать.
Пусть что-то не так, но беспмятству нет оправданий,
и то, что нам нужно, мы будем всегда вспоминать.

Нахлынет весна... Заиграют ручьи солнцетока,
теплом заливая остывшую душу земли.
Улыбка сверкнет и не сдвинутся брови жестоко,
коль льдины сомнений расплавить мы как-то смогли.

Пусть снова березы пригладят кору молодую,
распустят по ветру зеленые кудри ветвей,
зиму позабудут – от снега и ветра седую,
Но день Валентинов – останется с нами...и с ней...

2000

ПРОЩАЙ, ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ!
(отрывки из поэмы)

.....
Опять февраль в своем начале
крещенский холод усмирил,
и вновь банкиры рассчитали,
что день рожденья наступил.
На рубеже тысячелетий
мы поднимали братский тост,
вставая вместе в полный рост –
как джентельмены, так и леди,
чтобы сказать друг другу: «Ты!» –
и то, что помыслы чисты,
пока на небе солнце светит.
Но тем и славен новый день,
что снова слышим рюмок звень.

Залив вечерний на картине
вот-вот закат зальет в кармин,
накидкой изумрудно-синей
прикрыв волнение глубин.
Йодированный запах моря
с благословения небес
прибрежный омывает лес,
шуршанью бриза чайки вторят,
от жара солнечных лучей
горит вода в сто тыщ свечей,
богатство красок с рамой спорят...
Художник их не пожалел,
приблизить лето захотел...

Но нам февраль милей июля,
затем, что горные хребты,
которые хребтов не гнули,
на нашей родине круты.
Кавказ закутан в бурку снега...
Слепяще-сахарных вершин
достиг грузин и осетин,
не замедляя темпа бега,
поскольку солнце и мороз
им заменяли запах роз,
был воздух гор – важней ночлега,
вкусней, чем запах шашлыка,
надежен, как друзей рука.

2002

ЗОЛОТОЙ МИРАЖ

Золотое наважденье
бесконечно юных лет:
Новый Год и день рожденья –
светлых праздников сюжет.
В тишине большого зала
Слышен тихий шепот свеч:
«Я устала... я – устала...
очень хочется прилечь...».
Заметалось в искрах пламя,
освещая глубь зрачков,
где легко взмахнул крылами
ангел самых чистых слов...

На спине чужие руки
ищут ласковый ответ,
но романсов старых звуки
ей подсказывают: «Нет!»
Сплошь – цветы и дуновенье
осторожности духов...
Это вечер сновидений...
Это – в будущее зов...
Просто хочется покоя
в суматохе и друзьях!
Пусть не знает, что такое:
в сердце боль и в жизни крах!
Дальний путь еще в начале,
ножки поступь так легка,
уплывают в ночь печали,
несерьезные пока...
Ни наветы, ни приметы,
ни завистливость людей,
ни обманные советы –
не страшны счастливой ей!
И от порчи, и от сглаза
бережет любви маяк.
Ночь душевного экстаза –
этой цели верный знак!
Золотое наважденье,
перекрестие путей,
вечной дружбы продолженье –
там, где правит Водолей.

2003

MAPT

ВЕСНА

Весна сквозь снега налетела,
шалым ручейком закипела,
и ветром, развихренным солнцем,
измяла усталое тело.

Зима говорит: «До свиданья!»
Скрипят по золе ее сани,
а следом поземка несется,
белесым пушком зависая...

Вот так и любовь налетает,
сметает, хватает, играет, –
словами, делами, сердцами,
в которых костры разжигает.

И зимние мысли прощально
звонят в этой сказке печальной,
в которой мы, кажется, сами
себя не прощать обещаем...

1983

ПРАЗДНИК

Суетятся женщины на кухне –
это праздник наступает новый.
На столе пирог дрожжево пухнет,
спит салат разжеванно-готовый...

Женщины – в халатах из талонов,
в фартуках из неразменных сотен,
в тапках, сшитых из базарных стонов,
в жаре кухонь – наших преисподен.

Свежестью редиски, чернью сливы,
сушью сена зелени пахучей,
луковой кружавостью слезливой –
украшают кильковые кучи.

Резкостью духмянутся приправы,
сок мясной пробулькивает в печке,
слева – сыр, а колбаса – направо,
льется пиво – пеной, водка – речкой.

Суетятся женщины на праздник:
что ни кухня – то базар восточный.
Вспышки лиц веселых, грустных, разных...
Значит, нам пока живется прочно.

Нас не испугают перестройки,
страхи до двухтысячного года,
если на столах бутылки стойки,
да жива кормилица-природа.

1991

* * *

Дрожащий март с январской злостью
стегает снегом по щекам,
заслав пургу незваной гостьей
в пустеющий надежды храм...

Чтобы, не преклонив коленей
перед святыней тишины,
заставить ветер песнопений
трубить пришествие весны.

Но ровно светит лунный лик,
не освещая нам дорогу...
И только чувств неяркий блик
в ночи сигналил понемногу.

1993

8 МАРТА

Весна упряталась в мехах
с морозным скрипом,
бродяга-ветер в проводах
рыдает скрипкой.
Ох! Эта поздняя весна:
восьмое марта,
когда в безверье снесена
удачи карта,
и стынет женская печаль
тоской в миноре,
крылом брюнетистым рояль
взмахнет от горя...

Тогда настанет женский день
неповторимый,
беда разлапистая тень
промчится мимо,
начнут для Женщины стихи
слагать поэты:
про обоюдные грехи,
про то..., про это...
Назло засилью скучных дней
вино прольется.
И тот, который нужен Ей, –
не ошибется.
Прольется вечный луч тепла
сквозь жизни арку,
расплавится озноб стекла,
стекая в чарку.
Ох! Этот чудный снегопад
восьмого марта:
от финиша лететь назад
до зоны старта,
чтоб, в ожидании чудес
весенних ливней,
благодарить веселый лес
и нежный иней.
Пусть жар любовный сквозь года
струится в теле,
чтоб мы друг другу никогда
не надоели!

1993

ОПЯТЬ ВЕСНА

Вот и опять восьмое марта
стучит в незапертую дверь...
Художником судьбы с Монмартра
рисует полотно потерь,
где разноцветье дней удачи
мазками кисти что есть сил
прикроет чернь сиены плача,
грунтовку жирную белил...
Альпийской нежности цветами
весенний воздух оживит,
цыганка свежими устами
удачу вновь наворожит.
Но нет пророчества милее,
чем недоступный женский взор,
в котором песнь любви алеет
сквозь незаслуженный укор,
в котором видим обещанье
бурлящих чувств и тихих ласк,
грядущих встреч, пустых прощаний,
шипящих кубков вечный глас.
Нет предсказаний ощутимей
прикосновенья женских рук,
когда от песни, спетой ими,
мы освятимся как-то вдруг.
Когда без календарной даты,
а ежедневным бытием,
мы, гвардии любви солдаты,
для вас, любимые, живем.

Мы сами вряд ли в это верим,
но – раз в году... Свидетель – Бог:
Стучит восьмое марта в двери
и мы выходим на порог.

1993

* * *

Мужчины, не кричите про любовь,
особенно в канун восьмого марта!
Листая жизнь – не лгите вновь и вновь!
Вам женщины – лишь стимул для азарта.

Не доверяйте, женщины, словам,
измученным букетам и помадам,
«неделькам», ширпотребу и духам,
корзинам роз с доставкой прямо на дом.

Восьмое марта – повод сесть за стол,
поесть, попить и поглазеть на женщин,
а поутру на язву лить рассол,
задрав рога, которыми увенчан.

Так говорить, конечно, нет причин.
Я тоже лгу, подобно всем поэтам.
Пороча чувства остальных мужчин,
себя стараюсь выделить при этом.

Восьмого марта, в день святой для всех,
дарите дамам жарких слов букеты!
Цените в них и нежность, и успех,
шепчите им настойчиво «про это»!

Скрестив противоречье ян и инь
не надо напрягать воображенья.
Умейте вмиг в глазах своих богинь
и проиграть, и – выиграть сраженья.

1996

ЖЕНЩИНЫ

«А что для вас значит женщина?» –
спросили меня вы когда-то.
И я, совершенно ответственно
«Все!» – ответил тотчас.
Поскольку судьбой изменчивой
рождаются разные даты,
где женщины так естественно
всегда дополняют нас:
то плюсом своим, то минусом
удержат мужчин в равновесии
на грани бездонной пропасти,
в которую канет свет...
Навстречу любимым ринутся
желанно, легко и весело,
в порыве взаимоготовности
избавить любовь от бед.

А что для нас значат праздники
восьмыми журчащими мартами?
Ответа найти не сможет
в международной слов.
Как мысли, все женщины разные –
инертные и азартные,
но жизни витраж их сложится
из ярко-лихих кусков.
Поскольку они – любимые
весной, и цветами, и сказками,
а, прежде всего, мужчинами –
таков их святой удел.
Все женщины – неповторимые,
но сутью красиво-ласковой
становятся первопричинами
слияния душ и тел.

А, значит, не только веснами,
осенними днями и зимами,
и летней горячей душностью,
в скрещенье годов и годин:
путь женщин – лугами росными!
Суть женская – быть любимыми!
Боль женская – равнодушие!
А слава – любовь мужчин!
Пусть близится день почитания
величия женских возможностей,
в котором живет восхищение
непознанной тайной богинь!
Пусть вместе с бокалом признания
приходит на смену тревожности
весенней поры очищение,
да неба высокого синь!

1997

* * *

В этом мире нет надежности,
и, как шарик надувной,
день несбывшейся возможности
проплывает над страной.

В нем тоска исповедальная
и жестокость наших дней,
и еще – дорога дальняя,
та, которой нет верней.

Лишь по ней до невозможности
мы идем – к спине спина.
Здесь не знают осторожности,
пьют судьбу свою до дна.

Все вокруг как в сказке страшное,
но с друзьями – нипочем.
Вместе мы. И власть вчерашняя
не заманит калачом.

Здесь друзья упрячут в жесткости
сладострастие любви.
Бесхребетьем и бескостностью
в этом мире – не живи!

Первым марта начинается
зарождение весны.
Пусть зима надежд – покается
искуплением страны.

1997

ВЕСНА

Бурление мартовской стихии
рождает новые стихи:
по-женски ветрено-нагие
в боа изящной чепухи.

Скольжение рифм по гололеду
упрется в таяние снегов,
и, невзирая на погоду,
схлестнутся ритмы нежных слов.

Забыв на миг противоречья
в объятьях сплавятся слова,
сплетутся мысли, бедра, плечи
в порыве встречи естества.

Прильнув к источнику единства
услышим звонкую капель,
журчанье струй, шептанье листьев,
увидим постиженья цель.

Но все мелькнет, как грусть девицы:
растает год... отхлынет век...
И наши скомканные лица
солятся в воду вечных рек.

Мужское женопочитанье
в день наступления весны
пробудит встречное желанье —
быть воплощеньем новизны.

И, сохранив соощенье,
весной откроем новый год,
в котором женское смущенье
нежданной тайной предстает.

1998

* * *

И снова март! И мы опять ровесники,
хоть никому старение не нравится.
На голове седой зимы предвестники,
а в голове всё та же несуразица...

Полста и пять! Такая карта выпала,
а в прикупе иксы и даже игреки.
И что там президенты, думы, выборы,
лужки-рыжковы, макашovy-жирики!?

Полста и пять! В весеннюю распутицу
кроссворд пусть остается неразгаданным,
но дел клубок во всю пускай раскрутится!
И будет пасха! И запахнет ладаном!

И будет жизнь не по сукну бильярдному
катиться в лузу свояком подкрученным.
Пускай она не дюймами, а ярдами
несется вдаль: чем далее – тем лучше бы!

Пусть снова март! Весенняя бессонница
с желаньем отдохнуть – не уживается!
Промчалась лет неповторимых конница...
Но мы – в седле! И скачка продолжается!

1999

* * *

Промокший март. И солнца луч.
Число восьмое.
Ему присущи зябкость дня
и талый снег.
Прольется дождь из грустных туч.
Плохое – смоем.
И только память сохранит
прекрасный грех.

Не властно время над весной.
Такое дело.
Гуляет мартовская дрожь
и хмель в крови,
но недоступен нам покой
души и тела,
поскольку притаилась ложь
в словах любви.

Беспутный март, как хитрый кот,
крадется тихо.
Он знает женщин, потому
и не спешит.
Но за последний поворот
промчится лихо,
плеснув слезой в глухую тьму
пустых обид.

И будет март. И вздрогнет день,
добро пророча.
И свежий ветер новых встреч
остудит нас.
Деревьев чужедальных тень,
дороги строчка –
от бед сумеют уберечь
в последний раз.

2000

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ЖЕНЩИНЫ!

Нам жизнь дарили женщины вначале,
рождая в муках мягкость детских тел,
а мы болели, плакали, кричали,
вершили на пеленках беспредел...

Дни детства – также женщины прикрыли:
кормленьем, исцеленьем синяков,
от грубости житейской защитили
щитом из материнских теплых слов.

Но подступала юность неизбежно
с пушком на верхней вздернутой губе...
И с первым поцелуем тайно-нежным
пришла другая женщина к тебе.

Дальнейших лет кипят иные страсти,
влюбленность наступает вновь и вновь...
Мы помним наших женщин соучастье
под обобщенным именем – любовь!

Маячит брэнной жизни завершенье,
без женщин в нем никак не обойтись...
Ждем финиша, а значит, утешенья,
и наш девиз, как прежде: «Не ленись!»

Избави женщин, Бог, от равнодушья
к себе – так называемых мужчин!
Пусть слез горячих мокрое недужье
не станет самой главной из причин

Разнопрочтенья жизненных скрижалей,
непониманья сути общих дел!
Так хочется, чтоб женщины шептали
на языке своих горячих тел!

Чтобы в потоке ярких ощущений
сливались дни и ночи напролет!
Чтобы в мужчинах – не было сомнений,
когда их чувства попадают влет!

Спасибо вам! И нет противотолков!
Вы – наших судеб естество и свет!
У зеркала не может быть осколков,
поскольку солнца – неделимый след!

Пусть слабый пол придаст мужчинам силы!
Пусть сильный пол – для женщин будет вновь
надежным стержнем, мощным, а не хилым!
Мы с вами! И – да здравствует любовь!

2001

ГОД ОЧИЩЕНИЯ

Снилось кладбище дум недодуманных,
дел неделанных тихий погост...
Там, где в кельях, из досок соструганных,
протянулись друзья в полный рост.

Мерзла водка в стаканчиках разовых,
стыла слез огуречных соль...
Кто-то тихо о прошлом рассказывал,
кто-то молча глотал алкоголь...

Март холодный насилывал градусник
темпераментом температур.
В плюсы – с минусов цельсовских градусов
грязь дорог превратив во фритюр.

Снег: то рыхлый, то липкий и мокнущий –
солнцесветных лучей баловство...
Да от тиши кладбищенской глохнувший
вешний воздух ласкал естество.

Крошка внучка в машине запряталась,
улыбаясь чему-то во сне...
Может, дружба дедов ей понравилась
в изначальной и первой весне?

Или просто – почувяла дедово
отражение в пространстве миров,
и, улыбку его унаследовав,
погрузилась в спокойствие снов?

Понедельником чист от прощения
выбор дня, что до горькости прост...
Начинается год очищения
и Великий душевностью пост.

2003

АПРЕЛЬ

ПАСХА

В светлый день Воскресенья Христова
колокольный малиновый звон
воспевает величие Слова,
пробуждает возвратность времен.

Как и прежде, ванильная благодать
навевает надежду и грусть.
Коль от жизни немного осталось,
значит, смерти своей не боюсь.

Воскресения ждать не придется...
Вознесения? Только, куда ?...
Ведь недаром греховная вьется
в ветре жизни моя борода.

Колоколит по прошлому память,
небосвод просветленный горит,
надоело вздыматься и падать,
и не можется плакать навзрыд.

Теплым днем, по-весеннему чистым,
благозвучно проходит апрель,
провожая улыбкой лучистой
старых листьев ненужную прель.

1995

* * *

Трещал огонь и вспыхивал от боли
сушняк весенний на земле сухой.
Покрылось черным пеплом наше поле,
оставив стог, не тронутый тобой.

Шуршащий пламень стих, обняв дорогу,
остановился времени разбег...
Вулкан спалил Помпею-недотрогу,
а стог печальной участи избег.

Пылающего жара не хватило,
чтобы неясность мыслей охватить...
В пожаре чувств сгорело все, что было,
но глыбу льда не смог он растопить.

1998

ТАЛАЯ ВОДА

Как эта талая вода, судьба усталая,
пройдя сквозь отношений лед, меняет суть.
Нахлынет счастье простоты, но – запоздалое,
его понять сумеешь ты, но – не вернуть!

Остынет желтая жара, и сушь вселенская,
и лжи завистливый туман растает вмиг.
Засветит ярким светляком удача женская
сквозь ощущение любви и легкий стих.

Пусть понедельник за окном грозит невзгодами,
число «тринадцать» начертав «на небеси».
Но будет музыка побед греметь под сводами
вселенской залы – нашей маленькой Руси.

И снова талая вода в ледышку сплавится,
и снова будет изменять саму себя,
и будет ночью соблазнять луна красавица,
и будем соблазняться мы, ее любя.

2001

А.Л.А.

Апрель-бродяга солнца свет рассеивал,
в зеркальных лужах размывая сны...
Возникла Люда (вовсе не Асеева)
в сиянии веснушек и весны.

Никто не знал в стране, судьбу вдыхающей,
про клоны, космос, Ельцина и СПИД,
что мир людей, лицо свое теряющих,
приобретет иммунодефицит.

Что Людочка (Людмила Александровна)
грозою синдрома – остановит плач.
Пусть хоть один, но пусть родится заново,
поверив в то, что может сделать врач!

76

Не страшен СПИД с клюкой своей пугающей,
когда улыбкой – горе сметено!
Когда в сердцах твоих друзей-товарищей
играет кровь, как доброе вино!

И пусть в пути все то, что надо, – сложится!
Достигнув цели – не прервется путь!
Пусть терпится, и любитя, и можетя
на колее, с которой не свернуть!

Апрель-бродяга снова свет рассеивал,
блестяшки луж – то в хохот, то грустны...
Сияй по жизни, Людочка Асеева!
За вечность! За весну твоей весны!

2003

МАЙ

ГРОЗА

Не напрасно
туча серая солнце на время прикрыла.
Острастка:
жару желтому влажные кудри на рыло
набрасывала...

Застучали,
завертелись в студеном порывах дождевки,
разорвали
полог неба бесстрастного грома дубинки
вначале...

Над лесами
опрокинулись слезные чаши обильным потоком,
под глазами
у старушки Земли забелилась беда ненароком
полюсами...

Ты стояла
в муках холода обледенелым до боли укором,
закричало
безучастное небо, твоим восхищенное вздором.
Ты – молчала...

1982

ГРОЗА ДРУГАЯ

Дунул ветер холодом и мощью,
приземлил деревья и кусты,
впереди себя ворвался в рощу,
обрывая первые листья.

Потемнело, будто перед казнью...
Виснет сверху черный потолок.
Но с небес несется: «Будет праздник!
Стихнет буря в долгожданный срок».

Расщепило небо на две части:
молний блеск и дождевой обвал...
(«Может, на Земле наступит праздник,
если Гею Зевс поцеловал?»)»

Снова солнце светом поливает
обновленность травного ковра.
Песни капель в лужах затихают...
Свищут птицы – вестники добра.

1994

* * *

Все равно: что разлука, что ссора.
Это – времени новый разрыв.
Это – миг в ожиданье повтора,
к новым встречам зовущий обрыв.

Ты за стенкой бетонного дома
сомневаешься в правде своей.
Знать, победа твоя невесома,
да и я не такой уж злодей.

На пороге весеннего чуда:
превращения в зелень седин –
я приду, как всегда, ниоткуда
в наше вечное завтра – один.

Что нам ссоры, разлуки, наветы,
непонятия бремя и страх?
Если души единством согреты
да весенний дурман в головах.

1995

9 МАЯ

Синей птицей сказки Метерлинка
расстилался утренний Босфор...
Начинался день в отеле «Инка»,
продолжался вечный разговор.

Море с сушей о судьбе шуршало,
русский с русским спорили о ней,
только колесо ее бежало
рядом, все быстрее и быстрее.

Из мгновений собирались годы,
а из них лепились в ком века,
путались причины и исходы,
вспять кружила времени река...

Где найти ту сказочную птицу
ставшую синицей, но... ручной?
Если кто найдет, то что случится
с журавлем, почувявшим покой?

Журавли витают в поднебесье...
Пусть кружат! Не будем их ловить.
Пусть курлычат сказочные песни,
без которых просто – не прожить!

Но сегодня сказку в быль упрятав,
днем Победы правды, а не лжи,
посвящаем этот тост солдатам,
кровью окропившим рубежи.

Выстрелы победного салюта
и Стамбулу, и Москве нужны.
Наступает истины минута
с памятью оконченной войны.

Пусть не забывается былое!
Пусть стаканов горечь бьется в звон!
Кто ушел – пусть видит сон покоя!
Только тем, кто жив – не снится он...

1997, Стамбул

ПОХОЛОДАЛО

Ну вот, опять похолодало...
Черемуха тут не при чем,
а просто от тепла устала
весна, зардевшись кумачом.

Не стоит начинать сначала
все то, что сбыться не могло.
Судьба слегка похолодала,
забыв минутное тепло.

Пусть ничего не обещало
что зябкий ветер засвистит.
В душе моей похолодало,
да и твоя душа грустит.

Уходят яхты от причала
в тревожно-белоснежных снах.
Вот и любовь похолодала
кривой усмешкой на устах.

Но отчего теплее стало?
Вскипает яро в жилах кровь.
Пускай вокруг похолодало –
тебя мой жар охватит вновь!

Ты улыбаться перестала?
Ну и напрасно. Все пройдет.
Жизнь лишь чуть-чуть похолодала,
не превратившись в вечный лед.

1997

РАЙОН РАЯ

Из стона Вивальди
свивается нежно-немыслимый сон.
Душа на асфальте,
а сердце упрячено в дальний вагон.
Мы рвемся на части,
себя доверяя развилкам дорог:
то в поисках счастья,
а то – в ожидании новых тревог.

В районе рая – зеленый май.
Кусочек рая ты мне отдай!
В районе рая весну встречай!
Района рая не забывай!

И в нашем районе,
название которого прячется в рай,
от вечных симфоний
сегодняшней жизни обломится край.
Звучанием сердца
исполнится взбитый ударником джаз,
закончится скерцо,
и снова разлука польется из глаз.

В районе рая – зеленый май.
Кусочек рая ты мне отдай!
В районе рая весну встречай!
Района рая не забывай!

Не канут в забвенье
певучая скрипка, гитара и бас.
В любое мгновенье,
с любым настроением слушайте нас!
Энергия века –
струна, задрожавшая в верной руке.
А наша аптека –
скрипичная трель на веселом смычке!

В районе рая – зеленый май.
Кусочек рая ты мне отдай!
В районе рая весну встречай!
Района рая не забывай!

1998

МАЙСКИЙ СНЕГ

Где-то хлещут майские дожди,
а над Тулой вьется рыхлый снег...
Мы не знаем, что там впереди:
может – горе, может быть – успех.

Густо припорошена трава...
Майский снег. Что может быть чудней?
У небес – верховные права,
им оттуда все-таки видней.

Значит, холод в мае – должен быть!
Он – в законе, теплой грусти вор...
Чтоб ушедших не смогли забыть –
ледяной объявлен приговор.

На тюльпанах – белая крупа,
поседел едва вздохнувший лес,
зарастает небылью тропа,
солнце в облаках теряет вес.

Дунул резким холодом Борей,
закрутил снежинки, завертел,
доказав внезапностью своей,
что в природе – тоже беспредел.

1999

ПО-ПРЕЖНЕМУ, ПО-ПУСТОМУ...

А мы останемся по-прежнему
жить в необычье сновидения,
когда встречаемся по-грешному,
но по-пустому, без сомнения.

Зима вишневого цветения
снежинки-лепестки раскинула.
Я у тебя прошу прощения
за то, что наше лето минуло.

Мы не увидим снега алого,
шампанского не выпьем колкости,
и даже прошлого усталого
не ощутим приятной горькости.

Зима вишневого цветения
снежинки-лепестки раскинула.
Я у тебя прошу прощения
за то, что наше лето минуло.

Но я люблю тебя по-прежнему,
а иначе – не получается.
Весна сквозь солнышко забрезжила,
но не для нас она старается.

Зима вишневого цветения
снежинки-лепестки раскинула.
Я у тебя прошу прощения
за то, что наше лето минуло.

1999

* * *

Дрожит вишневый глаз лампы,
мигает языком свечи,
а Николай веселым взглядом
нас обнимает... Мы – молчим...
В усах – улыбка озорная,
как будто – жив, здоров, могуч...

Дождь всхлипнул на исходе мая
и вспыхнул солнца вечный луч.
Пусть Николай из вышних далей
вдохнет, как прежде, дым костра,
услышит все, что мы сказали,
и будет с нами до утра!

2001

ИЮНЬ

ХОРОШИЙ ДЕНЬ

Сегодня, как и много лет назад,
усевшись за столом, достойным восхищенья,
друг другу посвятив проникновенный взгляд,
мы ждем взаимности, участия и прощенья.

Наседки квохчущей заботу разделив
о завтрашней судьбе своих детей и внуков,
в гармонно-балалаечный мотив
вплетаем доброту непогрешимых звуков.

Пусть за столом колдует молодежь:
других времен – другое поколение!
Но рядом с ними – ты опять живешь.
Они – твое святое воскресенье!

Здесь воздух по-российски духовит,
по-полтевски спокоен и участлив,
им пьян и сыт, он детство в нас хранит.
И, может, в этом проявилось счастье?

Хороший день. Прекрасные друзья.
Глоток свободы в нервотрепке быта.
И стоит жить! И плакаться нельзя,
пока простая радость не забыта.

Пока не зарастает Бежин луг,
пока дрожит от песен Колотовка,
пока ласкает землю вечный плуг,
а по траве скользит коса-литовка.

Над Снежедью костровый томный дым...
Уходит день, как жизнь, неповторимый.
Мы здесь в обнимку с вечностью сидим:
все – молоды, красивы и любимы.

1995

ПРОЩАЙ, ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ!
(отрывок из поэмы)

ГЛАВА 5

Июнь оранжево-горячий
сушил уставшие хлеба.
Вдруг ветер дунул. Это значит,
что переменчива судьба.
Кипящая огненебесьем лава
прикрылась тенью мрачных туч...
Исчез из пекла бьющий луч,
остыл палящий зной расплава.
И хлынул ливень! Струи вод
омыли высохший приплод,
наполнилась водой канава...
Шипела серость пузырьков,
подобно сути ложных слов.

Над пасекой исчезли пчелы,
укрывшись в ульях от грозы.
Дождик перестук веселый
холодной хлесткостью грозил...
Гречишный дух: то темно-сладкий,
то светло-горький, над землей –
поплыл, с любовью неземной
целуя каждый вдох украдкой.
По лицам радость разлилась,
светлее стала в лужах грязь,
а сельская дорога – гладкой.
Полярность суши и воды –
суть равновесие среды.

«Спасибо, друг любезный Фудин,
что в Софрино меня загнал,
где отдыхающие люди,
забыв о боли и простуде,
не думая, что завтра будет,
здоровья множат капитал.

Тоскливо-теплая погода,
да сауна в пятьсот рублей,
в зеленке летняя природа,
хмельной избыток кислорода,
кровать для продолженья рода
и совершенно нет б...дей.

Цветной грохочет телевизор,
цветы и прочий антураж.
А, главное, не надо визы,
бесплатны в номерах стриптизы,
и я, как бабушка без ризы,
благославляю отдых наш.

Тайком прошло солнцезатмение,
хоть был предсказан миру крах.
Вот только в Туле – наводнение,
Степашин угодил в забвение,
вновь на Кавказе преступление,
торнадо – в штатах, я – в трусах...

То солнце прячется за лесом,
то дождь бесстыже моросит,
глядят старушки с интересом
на тех, кто бьется с лишним весом,
смеясь над мизерным прогрессом,
поскольку правит – Appetit!

Жена в бассейне воду мутит,
пока я ...с коликкой лежу.
Никто за это не осудит,
ничто наш отпуск не остудит...
Пройдет пять дней, придет Фудин,
ему я кое-что скажу...»

1999

ИЮЛЬ

КУПЕЙНОЕ-ШУТЕЙНОЕ

Комариным зуммером озвучено,
в жаркость пыли и листву одето,
темнотой удушливой измучено –
плавилось разжаренное лето.

Или дождевыми водопадами
омывая ссохшиеся поры,
радноактивными распадами
освещало мыслей переборы.

В эту лень поезд, стучащего
по стыковкам рельсовой распутицы,
подступало лето настоящее
с хрипами по радио Распутиной.

Друг в купе беседует с попутчицей,
у меня процесс мышленья движется.
У него, я думаю, получится...
Только вот статья не очень пишется.

Пожуем на ребрах поналипшего,
помакаем в соль крутыми яйцами...
Я уверен, что-нибудь напишется,
ведь в дороге всякое случается .

1993

ЭЛЬХОТОВСКИЕ ВОРОТА

Кавказских гор нахлынула прохлада
на крыши обожженных поездов,
когда она шепнула мне: «Не надо...» –
в вагонной дреме непробудных снов.

«Не стоит вспоминать о небывалом,
не надо больше думать о былом!
Все в наши дни кончается обвалом:
ржавеет дружба, пусто за столом.

Но льют предгорья тремоло рассвета
в тоске пирамидальных тополей.
Давай, Кавказ, поднимем тост за это,
ты пены облаков не пожалей!»

Туман платком пуховым, нежно-белым,
за стеклами всклубил свою печаль.
Она вскипела смугло-жарким телом
и в сонную свою нырнула даль...

Росу роняли к долу листья дуба,
рванулся поезд бешено вперед...
Тогда, Кавказ, я в первый раз подумал
о вечности эльхотовских ворот.

1993

ЗАУТРЕННЕЕ

Вершили петухи крикливый свой обряд,
храпел навзрыд душой широкой Пестов,
кукушка счет вела с судьбой не в лад,
собаки лаяли с протестом и с подтекстом...

Кряхтели индюки, взлетая на забор,
в пруду карась плескался хитромудрый,
шуршал дерев проснувшихся шатер...
Так начиналось сказочное утро.

Рассвет лучами теплыми ласкал
всё, что умеет самовыражаться...
И я покинул душный сеновал,
чтобы наслушаться, навидеть, надышаться.

1995

ИЮЛЬ

Запах сена пряно-пьяный
кружит голову мою.
Гром бы, что ли с неба грянул
под дождливую струю?
Нет ни облака, ни ветра,
только пыльная жара
обещает, что с рассветом
будет лучше, чем вчера.
Но полуденное пекло
обливает кипятком
и стекает пот по векам,
собираясь в слезный ком.

Солнце жарко припекает,
пробивая неба кров:
то клубнику приласкает,
то раскрасит вишню в кровь.
Изначалие июля,
как клубничное желе.
Комары – и те уснули,
непривычные к жаре.
Буйных трав зеленоморе
всем желает доказать,
что у лета, как у моря
луч зеленый стоит ждать!
Только жаль, что наши травы
дали волю сорнякам...
Чужетравия орава
отравляет душу нам.

1997

ШЛЯПКА

Словно крылья стрекоз,
обнимающих крепко друг друга,
сетка шляпки чудной
трепетала, улыбку храня.
Между вспышками роз,
в самом центре цветочного круга –
ты развеяла зной,
поджидая, увы, не меня...

Холодил виноград
и несбывшихся гроз грохотанье.
Обдувало горячим,
но в чем-то живым сквозняком.
Выше всяких наград
было свежей воды ожиданье,
а вершиной удачи –
зеленое царство кругом.

2001

В БЕРЛИНЕ

На двухрядке играет мужик,
где-то там: у Европы в середине...
Пухлых немочек круглые попки
бес, как видно, не русский – кружит.
Нет таверны, и женщины нет,
мелочь жизни стекается в марки...
Старых песен горячечный бред –
там, где наши победные арки...

То «цыганочки» звонкий расклад,
то «На сопках Манчжурии» льется...
Пиво «Gösser» холодное пьется,
только хмелем не полнится взгляд...
Вспомнит русских прудов забытье –
лягушачье владенье вприпрыжку...
Дождь, стучащий под ветра нытье,
в кем-то снятую автопокрышку...

Где студеной водой родника
моют женщины ног загорелость.
Где и детство, и юность и зрелость –
охраняет природы рука.
В холодильнике водка дрожит,
белым инеем крыта бутылка...
Кто-то в комнате тихой храпит...
Кто-то женщину чует затылком...

С шумом возятся дети в пруду,
ловят – то карася, то ротана...
Память прошлого – вроде тумана
застигает годов ерунду...
Вдруг слышалась русская речь –
женский голос из родины милой!
С этим чудом так хочется лечь –
хоть в постель, хоть в объятья могилы...

2002

ВНОВЬ НЕСТЕРПИМАЯ ЖАРА...

И строчки не ложатся друг на друга,
и теней нет от пополневших муз...
Затих Пегас, расслаблена подпруга,
на лаврах спит писательский Союз...

Висит жара над жухлыми листьями,
стреляют осы остросмыслом жал,
природа – издевается над нами,
являя лавой пышущий оскал.

Потянет ночью северной прохладой,
сквозняк прошелестит между листов...
Я вновь пишу! И большего – не надо!
Хватило бы в потемках нужных слов!

Звенит комар, готовясь впиться в ухо,
моргают окна желтосветьем глаз.
На улице, во рту, и в жизни – сухо!
А в мыслях – ледяющий глотку квас...

Пусть снова осень поторопит зиму!
Снаружи – холод, а внутри – тепло...
Что лето? Адский жар, где чувства стынут...
На сердце – льда промерзшее стекло.

2002

* * *

Наш друг уехал в Сочи –
на отдых, как всегда...
Погода там – не очень,
с небес течёт вода.
Морские волны тоже
на берег норовят...
Штормит судьба, но всё же
за друга – каждый рад.
Пускай он загорает
и днём, и на заре,
а ночью отдыхает
на чьём-нибудь бедре...

На сдвинутых кроватях –
 простынная жара.
Пуускай он акробатит
 с подругой до утра!
За то, домой вернувшись,
 не курит, и не пьёт,
от важных дел – согнувшись,
 моральный пост блюдёт!
Вокруг – друзья, подружки,
 но – кремню он подстать
(полупустые кружки –
 любитель поднимать).
Он стол накроет с блеском,
 друзей поддержит рёв,
им наливает с плеском
 стаканы до краёв.
Но сам – душою в Сочи,
 и телом – тоже там,
блуждая, между прочим,
 по сочинским кустам.
Как Штирлиц, он скрывает
 свою двойную суть,
но каждый день мечтает
 куда-нибудь нырнуть!

2002

АВГУСТ

ПОСЛЕ БУРИ

Сидела старуха у берега моря... одна...
Барахтались волны, светила в полнеба луна,
смотрела старуха на лунной дорожке покой,
от бликов мерцающих света закрывшись рукой.
Ни дома, ни сада, ни горстки хорошей земли
ей смерч не оставил, все выплюнув где-то вдали.
Что ей до купонов, талонов и экстренных благ,
когда все, что было, внезапно развеялось в прах?
Что ей разъясненье кувейтской причины беды,
когда суждено просидеть у воды – без воды?
А времени мало осталось на свете прожить
и надо сегодня – на завтра чего-то решить...
Но море ласкало шуршанием теплой волны,
и, вместо решений, нахлынули ясные сны...
Привиделись внуки, живущие там, вдалеке...
Вдруг – сердце заныло, и камень зажался в руке...
Вот дочь – непоседа, возвращенная в южных краях,
метнулась туда, где валюта – за риск и за страх...
Но снова – толчок... замерцало в иссохших висках,
потом – остановка... Улыбка на бледных устах.

Лежала старуха на галечном пляже... одна,
где море притихло в предвиденье долгого сна,
да тучи завесили лунного света покой,
да слезы в глазах, словно капли от пены морской.

1991

БЕСПРЕДЕЛ СТИХИИ СТРАШЕН

Где гранит волна гранила
в гладкокаменные нецкэ,
поливая горькой влагой
гальки праздничный набор, –
море бережно хранило
шум прибоя молодецкий,
крыло ночью черным флагом
будущих тайфунов хор.
Море с гулом надвигалось,
в берег яростно плевалось,
вновь шипела у побережья
в камне пенная слюна...
В белое безе сбивалась
моря давняя усталость,
и покоилась все реже
черноморская волна.
Смерч – стремглав ныряет в небо,
покидая это море.
В тихом море – призрак смерти
зарождается порой,
злomu ветру на потребу
разливает слезы горя,
в беспросветной круговерти
воды дыбятся горой.
Вот сплетаются потоки,
с гор летящие в долину,
и, подхваченные ревом,
ввысь взлетают скарб и скот...

Нам судьба дает урок:
бьет и в скулы, бьет и в спину,
учит всех лишенных крова
жить чуть-чуть наоборот.
Беспредел стихии страшен
неготовностью порочной:
возникает дрожь эмоций
и бессилие потерь...
Слышен смех старинных башен,
сотни лет стоящих прочно
там, где небо в скалы жметя,
открывая в вечность дверь.

1991

НЕ ПИШИ

Напиши про то, как ты устала
в южно-кипарисовой глуши,
про фруктово-кислый шум вокзала,
просто ни о чем, но напиши...

Напиши про свежесть ощущений,
новизной нахлынувших вдали,
про хмельную радость приключений
в недоступном уголке земли.

Напиши про ясную погоду,
несмотря на отшумевший шторм,
и про ослепительную моду
под луной купаться нагишом.

Быть или не быть тому, что было,
ты сама, счастливая, реши.
Главное, чтоб ты меня любила.
Но об этом, право, не пиши...

1991

АВГУСТ

Осенеет. Ржавит зелень
предсентябрьский суховей.
Опадают иглы елей
в еле шепчущий ручей.

Накануне увяданья
возле сохнувших запруд
погружается в молчанье
светлой ряски старый пруд.

Брызжет синью васильковой
постаревшая трава...
В рыжий август ждем такого,
чтоб кружилась голова.

В это время разночтений
всех дебатов горячей
осеняет ночи темень
благовест твоих речей.

1992

* * *

С шуршанием березовых волос
природа тихо переходит в осень:
желтеет лист, светлеет неба просинь,
цветут пруды, забылся сенокос.

В шептанье лет твой пламень не угас,
ты не уходишь в тусклое забвенье,
твои глаза, и бедра, и волнение –
весной любимы, будто в первый раз.

Настала, наконец, твоя пора:
вокруг все пахнет яблоком и медом,
тебя я поздравляю с новым годом,
в котором мы – с утра и до утра.

1996

* * *

Тридцатиградушно-лениво
потела южная жара,
а за окном белела слива
в зеленокудрии двора.

Она цвела неудержимо,
взметнув цветенье в облака.
Несоблюдением режима
и ростом ввысь своим легка.

Смотрел отец белобородый
на им взращенный крепкий ствол,
как будто ощутив природу
он словно тайное нашел.

«Нас ростом солнце не обидит!»
Прошли года, и вот уже
верхушку сливы вровень видит
сосед на пятом этаже.

Навряд ли стоит удивляться
судьбе высокого ствола...
Лишь добротой отцов растятся
сыны, и дочки, и дела.

1998

ДОМИК В ДЕРЕВНЕ

Деревенский домик у дороги,
тридцать соток, уходящих в лес,
суеются осы-недотроги –
злые знаки сухости небес.

С края, где стрекается крапива,
лопуху – репейник верный друг,
грядки – летней зеленью красивы,
падалицы яблоки вокруг.

Хилый столик ждет своих хозяев
(кто они – не ведомо пока!)
Пыль из-под колес, в жаре растаяв,
липнет на машинные бока.

Наскоро готовятся закуски.
Водка – есть, еще бы ей не быть!
Потому что договор – по-русски
надобно для верности обмыть.

Правда, нет воды. И газ природный
в этот уголок не проведен,
дом для проживания – не годный,
но за то – какая связь времен!

Прошлый век роднится с новым веком,
трасса мимо дома пролегла...
Ну, а много ль нужно человекам,
чтобы завершить свои дела?

Даже если сделка не случится,
это никакая не беда!
Повод есть покушать и напиться,
остальное, право, ерунда!

Вот такой он, главный бизнес русский!
Что-то для чего-то покупать,
выносить питейные нагрузки,
а потом про это – забывать!

Деревенский домик покосился,
ос жужжащих приутихнул рой,
август – так воды и не напился,
опаленный бешеной жарой.

Скоро осень хлипкими дождями
оросит желания ростки...
Для чего хотим в деревню? Сами –
мы не знаем! Может – от тоски?

2002

СЕНТЯБРЬ

ВЕНОК ОСЕННИХ БЛИЦ-СОНЕТОВ

Шуршащим звоном листьев желтых
сентябрь дымился, холодел,
потом из лона туч тяжелых
печальным иноком глядел.

Твои глаза засентябрились
осенней свежестью зари,
но вновь набухли, навалились
лохматой влагой октябри.

И вот уже дымком камина
пахнуло из прошедших лет:
трещат дрова ... краснеет глина...
ржавеет старый пистолет.

*Стареют мысли, вянет тело,
мечта навзрыд заиндевела.*

* * *

Во сне, бывает, снится быть,
а наяву, как сон с похмелья,
мелькает жизнь, в которой был
и горя стон, и звон веселья.

Прорвавшись сквозь густую пыль,
влетаю в дождь, как в новоселье,
где нет тебя. И гаснет пыл
от освежающего зелья.

*Чуть-чуть свеча затрепетала
неясным сполохом забот,
сверкнули чувства вполне, как
рванулась тень моя вперед,
но фея ночи прошептала,
что непременно... Не придет.*

* * *

Струя воды за воротник
змеей холодной проскользнула,
тепло соленое слизнула,
надежды стебель вновь поник.
Вдруг образ трепетный возник
среди осеннего разгула,
как будто бабочка вспорхнула
на чуть притушенный ночник.

*Блеснув вуалью черных крыл,
она – застыла, я – застыл,
и пламя копотью стонало.
Мелькали чьи-то образа,
сгорали в пламени глаза,
да сердце щелкало устало.*

* * *

*Стареют мысли, вянет тело,
мечта навзрыд заиндевела.
Чуть-чуть свеча затрепетала
неясным сполохом забот,
сверкнули чувства вполне, как
рванулась тень моя вперед,
но фея ночи прошептала,
что непременно... Не придет.*

*Блеснув вуалью черных крыл,
она – застыла, я – застыл,
и пламя копотью стонало.
Мелькали чьи-то образа,
сгорали в пламени глаза,
да сердце щелкало устало.*

1982

ОСЕНЬ

Снова осень, как правда жестокая,
обдувает, свистит, шелестит,
да березка, к обидам не стойкая,
нежной кожей призывно блестит.

И, по-прежнему, глупо влюбленные,
мы с березкой при взлете зари –
расстаемся, на жизнь обозленные,
разменяв не свои сентябри.

Из остывших бутылок шампанского
белой пены не хлынет метель,
не раскрутится пляска цыганская,
не застелится снегом постель.

Только осень в насмешливой жалости
мокрой плетью хлестнет по щеке,
да обидным упреком усталости
гроздь рябины застынет в руке.

1983

* * *

В разбитом окне – девочка скучная,
ветер осеннюю грязь холодит и месит...
«Лучше бы он не сказал мне, лучше бы...
не ожидать сентября, плохой это месяц...»

Журавль опустил плечи узкие, плачет.
«Может быть, полетишь за ним да отстанешь?
Из себя ведь не выскочишь наудачу,
слез от боли не выплачешь, перестанешь...»

В окруженье сияния девочка – новая,
ветер гонит песок раскаленный, пылит и пылает.
Пропылив, он шепнул: «До свидания». Снова я
цвета осеннего клена. Живу. Мечтаю.

1987

БЕРДЯНСКИЙ ВАЛЬС

Птицы кучкуются дружными стаями,
чувствуя осени вздох.
Скоро и мы, как они, улетаем,
переступая порог.

Припев: Бриз, бриз, бриз –
Ветер прохладный и нежный.
Вниз, вниз, вниз,
в глубь и навстречу надежде.
В ночь, в ночь, в ночь
парус над яхтой несется.
Прочь, прочь, прочь –
Зло за кормой остается.

118

Пенное кружево берега песчаного
взбито сердитой волной,
осень на море совсем не печальная
плещет мажорной струной.

Привет.

Чайки галдят над лиманом заброшенным,
ветром шуршат камыши.
Что же мы смотрим вокруг настороженно
и не поем от души.

Привет.

1989

* * *

Дымятся листья на огородах,
копченым ветром тревожа нас.
Сгорает лето в костре природы,
который, вспыхнув, опять погас.

Синеет легкий дымок печали
на желтолистье осенних нот.
Корабль разлуки ко мне причален
и даже в бурю не отойдет.

Страдает лето, на осень злится,
предвосхищая дождливый ад,
не позволяя костру залиться,
когда, как угли, слова горят.

1990

* * *

Арбузом пахла осень ранняя
сквозь память дымную костров,
когда тебя холодным пламенем
студило солнце вечных снов.

И слов горячечных не надобно
из губ, иссушенных мольбой:
любви загадка не разгадана,
она – во мне, она – с тобой.

Напраслину уносит в прошлое
поток бессмысленных обид,
смывая прочь все то хорошее,
что исчезает, но болит.

Пожухла осень в желтом кружеве
уставших лет, бесплодных дней...
В стране любви – свое оружие,
но небо чистое над ней.

1990

«НИКОГДА...»

А море гудело...
С надрывом оно рокотало...
Сквозь солнечный свет
ветровой пробился озноб.
И пеной седело...
И пеной судьбы закрывало
лета буйного след –
стылых пляжей лысеющий лоб.

Только ветер утих,
как повеяло днем и рассолом.
Обжигали не боги,
а песни, в которых молчишь,
если слышатся в них
староверским извечным расколом
три аккорда дороги
и мохнато-покойная тишь.

Вот и осень вошла,
осыпаясь прощальностью писем,
в круговерти времен
исполняя особый заказ:
дать поэту тепла,
чтобы стал он покорно-зависим,
зимний чувствуя сон,
где фонарик удачи погас.

И море умолкло,
как будто со дна замерзало...
Светился пожаром
упавшего солнца накал.
Туманились стекла
в старинной ажурности зала,
да ворон Эдгара
свое «никогда...» бормотал.

1992

* * *

Теплая осень. Цветы. И – отсутствие времени...
Татьяна и Павел... Истекшим годам вопреки
сливались критической массой от света до темени
два близких желанья в неслышном пожатьи руки.

Страдал саксофон, и стучало нутро барабанное,
с распадом разлуки отхлынуло желтое прочь.
Настало – свое, уходило – чужое, обманное,
подкралась пора до утра проектировать дочь.

Странное лето. Пикник. Деревенски-навозное
овекает обочину трассы: Москва – Ливермор.
Переputье под Тулой настолько взаимно серьезное,
насколько серьезен российский воздушный простор.

Сплетаются судьбы узором доселе невиданным,
а, может, невидимым тем, кто не хочет смотреть.
В работе, в друзьях... Незаметно и дочка на выданье.
И время торопит, чтоб многое вместе успеть.

1993

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Углы России забелил туман,
Непрядва к Дону бросилась в объятья.
И нет границ: где свой, где вражий стан.
И нет межи: где слава, где проклятья.

Земля взяла в себя сыновний грех:
спит Пересвет спокойно с Челубеем...
А мы опять от ярости звереем,
желая в мире быть умнее всех.

Похолодали зори на Дону,
церковных куполов озябли шлемы...
Дай Бог, чтоб мы не пели про войну,
и не слагали про нее поэмы.

Пусть медовухой наполнится стакан,
пускай мычат на выгоне коровы,
пускай с рассветом день наступит новый,
а ввысь летит гусиный караван!

1993

* * *

Листья шепчут, шурша и витая
в голубом бесконечье небес.
Мир притих ... и до самого края
желтым пламенем светится лес.

У березы, объятай дурманом,
мы с тобой – две неясных мечты –
застываем в спокойствии странном,
собирая надежды цветы.

Нежность осени не утомляет,
а сияющий солнечный свет
согревая тела – усыпляет,
охраняя от всяческих бед.

Золотые кудряшки березы
рассыпают листов сладкозвон,
облака еле-еле белесы
навевают магический сон.

Дым костровый пророчит надежность,
унося безысходности бред...
Жарко-угольно тлеет возможность
быть с тобой до скончания лет.

1996

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Отжелтело бабье лето,
отдымил, оттепело...
Холодит морозный воздух
утро солнечного дня.
К вечеру – в шинель одето
неба сумрачное тело,
облака висят как грозди
в слезокапие маня...

Засвистело, задышало,
 завлажнело на закате,
по брезенту застучало
 дробью ветреной и злой...
Это – осени начало
 мокрое надело платье.
Это просто я причален
 к пирсу памяти босой.

Зря березы-стриптизерки
 желтолистьем ярких тканей,
поминутно обнажаясь,
 устилают старый двор.
Зря ворот закрыты створки
 и аллеи расставаний
принимают боль и жалость
 как заслуженный укор.

Потому что изначально
 по циклическим законам
вновь жарой охватит лето
 прихворнувшую любовь,
унесет зима печали
 сквозь весеннее бессонье...
Осень – нежностью согрета.
 Значит, радость будет вновь.

1998

* * *

Вот и все...Наше лето преставилось!
Впереди то дожди, то пурга.
Осень хлопает мокрыми ставнями
по любви, как по телу врага.

Рябь струит по реке, ветром вздутая...
От жары не осталось следа.
Туча стылая с дождиком спутана
и повенчана с ним навсегда.

Ковыляет собака блохастая
по тропинке, ведущей домой...
Сиплый ветер безудержно хвастает
неминуемой встречей с тобой...

Только жаркое солнцетворение
пробивает набухший покров.
Значит, снова придет озарение
новым смыслом пропитанных слов!

1998

ОКТАБРЬ

ОСЕНЬ

Ветер жалобно взывает,
отдаляя все бывшее,
возвращая то, что будет,
или все наоборот...
Закрывая – открывает
наше прошлое с тоскою:
не согреет, не остудит,
не осудит наперед...
Стелет ветер покрывало
из надежд и обещаний,
а потом его срывает,
правду жизни оголив...
Обесцвеченным кристаллом
безысходности прощаний
расплетая – не сплетает
мой мотив и твой мотив.
Ветер охает и стонет,
мокрой тряпкой барабанит
по стеклу, как по границе
между истиной и мной...
Капля в капле молча тонет,
разрушая смысла грани,
туч уходят вереницы
в скрип дверей, в собачий вой...

1982

ЧТО-ТО В МИРЕ НЕ ПО ПРАВИЛАМ

Где-то листья закровавились,
где-то просто – изжелтелись.
Это – осень, это – правильно,
если птицы разлетелись.

Льют дожди ночами долгими...
Холодеющими зорьками
мы друг к другу стали строгими,
ну, а мысли наши – горькими.

Видно, зеленью из прошлого
любоваться нам не велено,
даже травность мелкорослая
не для нас с тобой постелена.

Пробираюсь я задворками
в просмоленность дыма осени,
где окно прикрыто створками,
где зеленью нежной озими.

Постучу в стекло звенящее,
и окно всю раскроется.
Значит, было – настоящее,
что во мне не успокоится.

Значит, мы с тобой – желанные,
на одно вдвоем нацелены:
видим листья, в медь чеканные,
а смеемся прежней зелени.

Нет, не зря они кровавились.
Нет, не зря они желтелись.
Крылья осени – расправились,
птицы счастья – разлетелись.

1986

«ТРАМВАЙ – ПЯТЕРОЧКА...»

Куда-то в вечное взлетает лифт:
судьба-шпаргалочка – неясный шрифт.
Где остановится? Какой этаж?
Где дверь откроется? Который наш?

Безостановочный наверх полет:
в колодце лифтовом вся жизнь идет.
Подсказку нужную – не отыскать,
канат-страховочку – не удержать.

Кабина грохнется костями вниз:
мне – долгожданное, а вам – сюрприз.
Полет-болтаночка – конец начал,
минутным слабостям – навек причал.

Октябрь на улице – осенний взлет,
слезу-дождиночку в сердцах зовет.
Холодной желтостью прозрачно чист
звонит от сухости березы лист.

Да грязь колесная – застывший крем
чернит прошедшее, где нет проблем...
Мечта-улыбочка на маске зла
в белесой снежности с косой пришла.

1991

ОКТЯБРЬСКАЯ НОТА

Ледышки грязные плывут в прозрачье луж,
вовсю октябрь осенним солнцем убажает...
И, чтобы нам не убояться зимних стуж,
пурпурным маревом рябины наряжает.

Чуть песни осени приблизятся к концу –
снежинность верткая над слякотью взовьется,
зима мазнет лихим румянцем по лицу,
ну, а по жизни – черной сажей, как ведется.

Грядущей зимности безрадостен удел,
когда трезвонят обмороженные нервы
про нашу жизнь, в которой корень охладел,
а год хоть новый, но, увы, давно не первый.

Вот почему и существуют октябри
последней вспышкой теплоты или ненастья.
С морозовым восточием зари
придет зима, а, может быть, и счастье...

1992

* * *

Дождливо-желтым октябрем темнеет
в озяблости багряно-мокрый лист,
каминно-дымный день закатом тлеет,
накатывая ночь из-за кулис.

Вот тьме – осенне-поздняя улыбка
нужна как день, но только ... не видна.
Да! Я твоя последняя ошибка,
а ты – моя бессчетная вина.

1992

* * *

Многоопытная осень. Листопад. Уход в ненастье.
Темно-мышьей шкурой небо набухает от тоски...
А потом потоком слезным заливает чье-то счастье,
студит ветром, лепит грязью, мажет инеем виски.
Но опять Зосима-старец крепким медом согревает,
солнце теплится в прорехах серо-кудрявых облаков,
слов твоих безумных пламя лоб холодный обжигает,
греют листья светом желтым нашей нежности покров.

Мир сплошных противоречий. Нет надежности в природе...
Только в этом – вся надежность вечно движущихся дней.
Осень с листьями сгорает, а в дыму зима приходит,
обещая снежный отблеск звездных елочных огней.

1994

132

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

Оранжево-холодным пятак
спускалось солнце вплоть до горизонта,
явив себя от Тулы до Торонто,
питая облаков кроваво-красный ром
закатностью пылающего фронта.
Сражался с ночью день и уступал,
теряя вечно-солнечный накал...

Малиново-брусничная вуаль
прикрыла лес и все, что неба ниже,
и даже занавески кленов рыжих
светили вдоль дороги, а не вдаль,
лишь потому, что были к нам поближе.
Дороги серо-вытертый брезент
рождал шуршаньем аккомпанемент.

Звучала песнь закатного огня,
предвосхищая наступленье ночи,
в которой понапрасну зубы точат
весталки отгорающего дня,
пророчеством конца себя пороча.
Искала серость место под луной,
явившей миру тайный образ свой.

Вливаясь в черно-пламенный закат
сгущались годы в звездные скопления,
рождалось в миг другое поколение
с рождением – новых требуя затрат
на завтрашних пророков сотворенье.
И этот вечный кругооборот
един для всех, кто на Земле живет.

В незнании судьбы пробита брешь,
но сохраняют тайну понимания:
стихов забытых знаки препинания,
растраченной любви сияющая плешь,
дороги в никуда и без названия.
Так дай нам Бог, чтобы в конце пути
самих себя в делах своих найти!

1995

* * *

Судьбой изогнутое тело –
березы полосатый ствол,
и желтолистье облетело,
и голость веток, как укор...

Но под березой куст зеленый
не тронул холод октября,
поток дождя слезой соленой
кору пропитывает зря.

Накапливает силу роста
природа в кольцах годовых,
и куст невозмутимо просто
с березой делит каждый миг.

Пускай законом отрицанья
их не пугает смена вех –
тоскливой осени прощанье
весенний породит успех.

Вот так и мы – то умираем,
то вновь рождаемся не те,
цикличность жизни подтверждаем
и приближаемся к черте...

1997

* * *

Припорошена перхотью снежной
грязь, простывшая хладной порой,
по которой шагает неспешно
месяц ветрено-хлюпло-сырой.

В октябре замерзают желанья,
«Хэд энд шолдерс» поможет навряд...
Снег потери – зимы обещанье –
засыпает осенний наряд.

Вот и ты все грустней и тоскливей
застилаешь надежды постель...
В прошлом майский улыбчивый ливень,
отмывавший неясную цель.

Потому что слепляется время
в ярко-белый последний снежок,
от удара которого в темя
завершится промчавшийся срок.

В октябре стала колко-ранимой
наших чувств остывающих звень...
Пусть согреются руки любимой
без меня в солнце-завтрашний день!

1997

ИЛЮХИНУ П.И.

С нами нет его целый год!
Мы в застолье одни сидим...
Но по-прежнему дождик льет
и земля напивается им.

За окошком грустят небеса
плачем серых своих облаков...
Сбросят в лужи с себя леса
старых листьев седой покров.

Петр Иваныч! Взгляни на нас
из того своего далека!
Видишь – слезы в искринках глаз
и немного дрожит рука.

«Шуры-муры» – уже не те,
и не слышен твой добрый мат...
А Россия в глухой темноте
погружается медленно в ад.

Поминаем твое добро
и улыбки веселой свет –
звался «Петькой» легко и хитро
в целых 70 с хвостиком лет!

Пусть снарядов все ближе лёт!
Здесь никто не боится их.
Просто – встречи с друзьями ждёт.
Просто – ценится каждый миг.

Петр Иванович! Мы все – с тобой,
наших душ единение – здесь!
Не хватает тебя, дорогой...
В этом – смысл нашей встречи весь.

1998

НОЯБРЬ

НОЯБРЬ

Снега нет. Водяная метель
меж домами спиралит круженье,
и, нащупав желанную цель,
вдруг завьется в щербатую щель
мокрым холодом и раздраженьем.

Теплых слез согревающий миг
не прольется в осенние строки
на страницы нечитанных книг,
в одиночество мыслей пустых,
где взаимная боль и упреки.

Бросит тело в несносную дрожь
из-за листьев, покинувших ветки.
Наших чувств драгоценная брошь –
оказалась достоинством в грош,
как стекляшка в колечке субретки.

Снега нет. Но пылает камин
где-то там, в безвозвратно ушедшем.
Треск веселый сгоревших дубин,
углей стылых горячий кармин,
в прошлом веке, меня не нашедшем.

1991

* * *

Хмельнуло дымом по-осеннему
под желтый хруст опавших листьев...
Перед дорогою присели мы,
чтоб помолчать в дымах смолистых...

И, будто листья эти – инеем,
нас сединой пообметало...
Под перекрестием осиновым
светились души вполнакала...

Взбелив покой дорог сугробостью,
пурга костры припорошила,
сдавалась осень с женской робостью
на милость зимнего ветрила.

Пускай близка победа зимности,
но безусловно утверждение,
что в человеческой взаимности
победа – это поражение.

Вот почему, прощаясь с дымностью,
присядем перед дальним странствием.
Приметы с их большой наивностью
распространяются в пространстве.

1992

* * *

Трубят низкочастотно ветер,
вселяя во всем вечный страх
перед обидами наветов,
перед ущельями в горах,
перед погоней в снах тревожных,
перед позором слов пустых,
перед враньем кумиров ложных,
перед неверием святых,
перед предательством любимых,
перед продажностью властей,
перед венком успехов мнимых,
перед убожеством идей...
Неоднозначны страх и трусость,
но ветер давит и свистит,
а, значит, есть в потоке узость,
что, звук рождая – нам грозит...

1997

ВРЕМЕНА ГОДА

СВЕЧА СТОЯЛА...

*«Свеча горела...»
Б.Пастернак*

Свеча стояла на столе, свеча стояла,
а что горела, разомлев, так то – сначала...

И вовсе было все не так на самом деле,
и снег не мчался второпях в окно влипиться,
тогда и ты была не та, не на пределе,
не полыхала боль в глазах крылами птицы.

На побледневшую луну с тобой смотрели,
созвездий внутреннюю связь найти пытались.
В седую осень, как в весну, вдвоем влетели,
двойной судьбы чертили вязь – и не расстались.

Свеча стояла просто так, а не горела.
В костре потухшем береста бездымно тлела...

Мы не смирились с этим злом – одна отрада,
вздували гаснущий пожар, светлели лица,
была за эту жизнь без сна и мне награда:
тебя к губам своим прижать, тобой напиться.

В заснежья белые меха вдвоем валиться,
чтоб отпечататься внахлест: зима да осень,
зажечь свечу в конце греха не торопиться,
и разглядеть, как в бездну слез покой уносит...

Свеча высвечивала нас крестом прицела:
Свеча стояла у окна, свеча ... горела...

1984

ТАНГО

Нежной музыкой наши печали
зазывали в придуманный рай,
о котором с тобой мы мечтали,
заступая за юности край.

Лепестки тихих слов задрожали...
Ты сама их, шутя, оборви!
Мокрой осенью мы станцевали
танго юной, прошедшей любви.

Слышим снова неслышные звуки,
видим темень встревоженных глаз,
и друг в друга впиваются руки,
и родное вселяется в нас.

Лепестки на ромашке, как прежде.
Их срывая, душой не криви!
По весне мы танцуем с надеждой
танго нашей неясной любви.

Только счастье недолгое это
постепенно рассеется в ночь,
у которой не будет ответа
и не будет желанья помочь.

Лепестки облетают от ветра,
их не будет, лови – не лови.
Зимней снежности будет ответом
танго новой, последней любви.

Лето жизни испить не успели,
только память немного хмелит,
да молчат новогодние ели,
да в бокалах разлука кипит.

К лепесткам недоступных ромашек
для гаданья меня позови.
И тогда будет слышаться наше
танго вечной, надежной любви.

1997

* * *

Я уверен, что не сложится
все, о чем мечтаем мы,
потому что годы множатся
от зимы и до зимы.
Все труднее в чудо верится,
все реальней наши сны:
нам любовь себя доверила
от весны и до весны.
Ты по лету, я по осени –
бродим разные вдвоем.
Для чего нас жизнь забросила
в свой печальный водоем?
Мы с тобой все время видимся
то во сне, то наяву.

Веселей, подруга, видимо, –
не в печаль тебя зову.
Может, это и не сбудется,
может, это – ерунда...
Одиноко в мыслях крутится
многозначашее – да!

1989

ВСЕ ЛИ?

Все ли? Так ли? И было ли – сделано,
чтобы просто спокойно уйти?
Тихо-тихо листва шелестела нам
про иные дороги-пути.

Ветер выл призывающее-истово
в ожиданье больших перемен,
в узких щелях небрежно насвистывал,
натываясь на каменность стен.

Наступала морозность студеная
в снегохрустии новых идей...
Возвращалась суббота прощенная
на заснеженный плац площадей.

По весне клейкой зеленью нежился
черно-белых березок покров...
Как всегда, свет надежды забрезжился
в обещающих таинственных слов.

Лютым зноем дышало спасение
от несбыточной кармы удач...
Под несносных цикад песнопение
начинал летний дождик свой плач...

Шелест листьев осеннее-таинственный
в оголенных ветвях – вопрошал:
«Все ли сделал?» Вопрос не единственный!
И не сам я его задавал!

2003

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕКАБРЬ

Дорога	5
Год быка	6
«Случились, да не написались...»	8
«Болотников переулочек. Третий дом...»	9
Новогоднее	10
«Декабрь – такое время года...»	12
Воздушные замки?	14
2003 год	16

ЯНВАРЬ

Новый Год	18
«Впитав премудрость бытия...»	19
Монпарнас	20
В лифте	21
«Стихи – не копия судьбы...»	22
«Приходит год седой, как старость...»	24
«Падал снег на Крещение...»	25
«Был скользким день (как всякий день рождения)...»	26
«Наших грешных мыслей укрощение...»	27
Водителю	28
Январский тост	30
Прощай, тысячелетие второе! (отрывки из поэмы)	31
Заметки в сочельник	40
В канун рождества	42
Старый Новый Год	44
Иной день	45
Рождество	46

ФЕВРАЛЬ	
Чудо	49
Городской романс	50
Валентинов день	51
Прощай, тысячелетие второе! (отрывки из поэмы)	52
Золотой мираж	53
МАРТ	
Весна	57
Праздник	57
«Дрожащий март с январской злостью...»	59
8 Марта	59
Опять весна	61
«Мужчины, не кричите про любовь...»	62
Женщины	63
«В этом мире нет надежности...»	65
Весна	66
«И снова март! И мы опять ровесники...»	67
«Промокший март. И солнца луч...»	68
Да здравствуют женщины!	69
Год очищения	71
АПРЕЛЬ	
Пасха	74
«Трещал огонь и вспыхивал от боли...»	75
Талая вода	75
А.Л.А.	76
МАЙ	
Гроза	79
Гроза другая	80
«Все равно: что разлука, что ссора...»	80
9 Мая	81
Похолодало	83
Район рая	84

Майский снег	85
По-прежнему, по-пустому	86
«Дрожит вишневый глаз лампы...»	87
ИЮНЬ	
Хороший день	91
Прощай, тысячелетие второе! (отрывок из поэмы)	92
ИЮЛЬ	
Купейное-шутейное	96
Эльхотовские ворота	97
Заутреннее	98
Июль	98
Шляпка	99
В Берлине	100
Вновь нестерпимая жара	101
«Наш друг уехал в Сочи...»	102
АВГУСТ	
После бури	105
Беспредел стихии страшен	106
Не пиши	107
Август	108
«С шуршанием березовых волос...»	109
«Тридцатиградусно-лениво...»	109
Домик в деревне	110
СЕНТЯБРЬ	
Венок осенних блиц-сонетов	115
Осень	117
«В разбитом окне – девочка скучная...»	118
Бердянский вальс	118
«Дымятся листья на огородах...»	119
«Арбузом пахла осень ранняя...»	120
«Никогда...»	120
«Теплая осень. Цветы. И – отсутствие	

времени...»	121
Куликово поле	122
«Листья шепчут, шурша и витая...»	123
Ранняя осень	124
«Вот и все... Наше лето преставилось!...»	126
ОКТЯБРЬ	
Осень	128
Что-то в мире не по правилам	129
«Трамвай – пятерочка...»	130
Октябрьская нота	131
«Дождливо-желтым октябрём темнеет...»	132
«Многоопытная осень. Листопад. Уход в ненастье...»	132
Дальняя дорога	133
«Судьбой изогнутое тело...»	134
«Припорошена перхотью снежной...»	135
Илюхину П.И.	136
НОЯБРЬ	
Ноябрь	139
«Хмельнуло дымом по-осеннему...»	140
«Трубит низкочастотно ветер...»	141
ВРЕМЕНА ГОДА	
Свеча стояла	143
Танго	144
«Я уверен, что не сложится...»	145
Все ли?	146

Литературно-художественное издание

А. Хадарцев

**КРЕПКА ЛЮБОВЬ
В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ГОДА**

Стихи

Подписано в печать 22.02.05 г.
Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета в Государственном
унитарном издательско-полиграфическом
предприятии «Тульский полиграфист»
300600, Тула, ул. Каминского, 33